

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

Убежище
чужих
тайн

Приключения баронессы Корф

Амалия – секретный агент императора

Валерия Вербинина
Убежище чужих тайн

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вербинина В.

Убежище чужих тайн / В. Вербинина — «Автор»,
2015 — (Амалия – секретный агент императора)

ISBN 978-5-699-84158-5

Баронесса Амалия Корф не сразу поняла, зачем к ним в дом явилась незваная гостья. Как оказалось, Луиза Делорм пыталась расследовать убийство своей матери, Луизы Леман, произошедшее двадцать лет назад. В то время Луиза Леман жила у своего любовника, Сергея Петровича Мокроусова, имение которого располагалось по соседству с поместьем родственников Амалии. Они до сих пор помнили эту жуткую историю: тело Луизы нашли в овраге, под подозрением оказался ее любовник и его новая пассия, но им удалось выйти сухими из воды, а на каторгу отправился один из слуг – явно по ложному обвинению... Заинтригованная Амалия вместе с Луизой выехала на место старого преступления. Возможно ли спустя столько лет найти улики, свидетелей и вычислить настоящего убийцу? Да, если за дело берется блистательная баронесса Корф!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84158-5

© Вербинина В., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Посетительница	11
Глава 2. Дела давно минувших дней	15
Глава 3. Особняк	19
Глава 4. Ссора	23
Глава 5. 1864	27
Глава 6. Двадцать лет тому назад	32
Глава 7. Попелюха	36
Глава 8. План действий	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валерия Вербинина

Убежище чужих тайн

© Вербинина В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Роман основан на назумевшем деле XIX века, однако не все события происходили в реальности так, как описано в тексте.

Место действия, имена свидетелей и участников также были изменены.

Пролог

– Боюсь, я не могу позволить вам увидеться с пациенткой, – сообщил доктор. – Поверьте, мадемуазель, у меня большой опыт работы с больными, и я определенно могу вам сказать, что такие встречи не приводят ни к чему хорошему, причем для обеих сторон.

За окном ярко светило солнце и щебетали птицы, но кабинет, в котором находились собеседники, словно принадлежал к другому миру, в котором ничего не значили ни весна, ни солнечный свет, ни земные радости. Все это как будто осталось по ту сторону крепких решеток, которые стояли на каждом окне и наводили на неизбежные мысли о заточении, замкнутом пространстве и всем, что напоминает о тюрьме. Находившаяся в кабинете мебель не была ни уродливой, ни бесформенной, но здесь, среди выкрашенных в нейтральный коричневый цвет стен, она стала заложницей обстановки и воспринималась как нечто тягостное, типа общины тюремщика. Стул с темной обивкой казался неудобным, шкаф угрюмо возвышался в простенке между окнами, а стол воинственно топорщил свои углы. Собеседница доктора поймала себя на мысли, что больше всего на свете ей хочется сейчас встать и уйти, и, если бы не отчаянное желание узнать правду, которое, собственно, и привело ее сюда, она бы, наверное, так и сделала; однако девушка пересилила себя и изобразила нечто вроде улыбки.

– Но мне очень надо увидеться с мадам Белланже, – умоляюще произнесла она.

Сидящий за столом седоватый мужчина в белом халате внимательно посмотрел на свою собеседницу, и ему не понравилось напряжение, читавшееся во всей фигуре посетительницы, и то, как она стиснула сумочку, лежавшую на ее коленях. В силу своей профессии ему приходилось иметь дело с самыми разными людьми, и накопленный опыт позволял доктору Мальберу с ходу составить верное представление о том или ином посетителе. Так маститый критик, прочитавший в прошлом сотни книг, уже по паре первых страниц может предугадать весь роман целиком; однако в этой девушке было что-то странное, к чему доктор никак не мог подобрать определения.

– Вы родственница мадам Белланже? – спросил он напрямик.

От него не укрылось, что его собеседницу передернуло.

– Нет. Слава богу, нет! – вырвалось у нее.

– Значит, вы ее знакомая?

– Нет. Я... Я узнала о ней только неделю назад.

Доктор вздохнул.

– Простите меня, мадемуазель, – он покосился на визитную карточку, которая лежала перед ним на столе, – мадемуазель Делорм, но в таком случае я не понимаю, зачем вам вообще понадобилась мадам Белланже. Поверьте, она не в том состоянии, чтобы встреча с ней могла... э... приносить удовольствие.

– Я не знаю, поймете ли вы меня, – проговорила девушка, волнуясь все больше и больше. – Я даже не знаю, с чего мне начать... – Она умолкла, собираясь с духом, и наконец выпалила: – Я думаю, она убила мою мать.

Доктору Мальберу было за пятьдесят, он много лет возглавлял лечебницу для душевнобольных и вполне искренне считал, что его уже никто и ничто не способно удивить; однако сейчас он ощутил нечто вроде проблеска любопытства. Озадачило его не столько упоминание о преступлении, сколько то, что о нем заговорила именно эта девушка – свежая, чистенькая, опрятная, вся какая-то невыносимо правильная. Казалось, уж ее-то грязь жизни должна была обходить стороной – по крайней мере, до сих пор.

– Простите, мадемуазель, но не могли бы вы объясниться? Потому что, когда мсье Белланже привез свою жену, он, гм... не упоминал ни о чем подобном...

– Он ничего не знал, – сказала девушка с отвращением. – Или делал вид, что не знает... Вся эта история случилась еще до того, как она вышла за него замуж. Ведь мадам Белланже – русская, она была замужем за другим человеком и жила в России... Она сбежала во Францию как раз после убийства. Через некоторое время ее муж умер, и она вышла замуж за знаменитого драматурга Белланже, с которым познакомилась на каком-то литературном вечере...

Доктор нахмурился. Он вспомнил кое-какие особенности поведения пациентки, ставившие его в тупик, вспомнил ее слова, которые раньше считал обычным бредом умалишенной. Если мадам Белланже и впрямь совершила преступление...

– Когда именно это произошло? – спросил он. – Я имею в виду убийство.

– В 1864 году. Ровно двадцать лет назад.

Поднявшись с места, доктор подошел к шкафу, в котором хранились медицинские карты больных, и, выдвинув нужный ящик, достал из него не слишком объемистую папку, на обложке которой значилось: «Надин Белланже. Поступила 20 марта 1883 г. Постоянная пациентка». В нижней части обложки карандашом было приписано: «безнадежна».

– Мне нужны подробности этой истории, все, что вам известно, – негромко заявил доктор, возвращаясь на свое место. – Как звали вашу мать?

– Луиза, как и меня... Луиза Леман.

– А Делорм – это ваш отец?

– Нет, меня отдали на воспитание родственникам. Я думала, что они мои родители, вы понимаете? Всю свою жизнь... Но мадам Делорм – только сестра моей матери. И еще я узнала, что... То есть мне сказали... Все было так неожиданно...

Ну, конечно, одно дело – читать бульварный роман, в котором герой узнает, что его усыновили, и совсем другое – когда ты сам понимаешь, что люди, которых ты считал родными и близкими, на самом деле не имеют к тебе никакого прямого отношения. Это ранит, и очень сильно.

– Скажите, что ваша мать делала в России? Работала гувернанткой или учительницей французского языка? – спросил доктор.

– Нет. – Луиза медленно покачала головой. – Она... Она встретила с моим отцом уже здесь, в Париже. И уехала с ним на его родину.

– Ваш отец – он русский?

– Да, он из богатой семьи... Очень известной в тех краях... И теперь он хочет меня удочерить. Он... он явился в наш магазинчик без предупреждения... Я упоминала, что у папы... у господина Делорма есть бакалейная лавка?

– Нет.

– Никак не могу привыкнуть называть их дядей и тетей, – беспомощно призналась девушка. – Я никогда не думала, что со мной может что-то подобное произойти... У меня была самая обычная жизнь, вы понимаете? Я любила своих родителей... У меня было две сестры и еще брат... А тут появляется незнакомый человек и говорит: знаешь, вообще-то я твой отец, а эти люди тебе никто! И я слушаю его, не зная, куда мне деваться...

Она сконфуженно замолчала.

– Действительно, поразительная история, – заметил доктор, испытующе глядя ей в глаза.

– Неожиданность – вот что хуже всего, – потерянно сказала девушка, часто-часто мигая. – Вдруг оказывается, что ты незаконнорожденная, а твой отец – какой-то чужой человек... Хуже всего, что мать погибла так, как она погибла. Я ночами теперь не сплю, все думаю, как мне узнать правду...

– Правду о чем?

– О том, кто ее убил. – Луиза заерзала на месте. – Тетя мне потом кое-что рассказала. Ведь отца арестовали за ее убийство, ему предъявили обвинение... Следствие тянулось несколько

лет, но он ведь из влиятельной семьи, да и родственники Надин тоже не последние люди... В конце концов они сумели замять дело.

– А каким образом Надин оказалась замешанной в эту историю?

– Она была любовницей моего отца, – сказала девушка сердито. – И ненавидела мою мать. Тетя показала мне письмо – последнее, которое она получила от сестры из России. Та писала, что Надин всячески пытается ее выжить, что та даже предлагала ей денег, только чтобы мать оставила отца... Надин ей угрожала... Но мать не собиралась сдаваться – она надеялась, что все каким-то образом образуется, отец меня признает и, может быть, женится на ней...

– Он был женат?

– Нет.

– Тогда что ему мешало?..

– Не знаю. Наверное, он считал, что моя мать ему не равня... Потом тетя показала мне другие письма мамы, которые сохранились. Он очень хотел сына. Если бы я родилась мальчиком, он бы женился...

– Нет, – ровным тоном произнес Мальбер, – не женился бы. Не мучайте себя, мадемуазель.

– Вы думаете?.. – нерешительно начала Луиза, но по ее взгляду доктор угадал, что ей в голову приходило то же самое.

– Когда человек хочет жениться, он делает это без всяких условий, – усмехнулся ее собеседник. – Я правильно понимаю, этот господин вспомнил о вашем существовании через двадцать лет после того, как вы появились на свет?

– Через двадцать один год.

– А что мешало ему сделать это раньше?

Щеки Луизы порозовели, она еще сильнее стиснула сумочку, которая лежала у нее на коленях.

– Я не знаю... После гибели матери его обвинили в убийстве, потом оправдали... Он уехал за границу, много путешествовал... два раза был женат...

«Ясное дело, от безутешности», – язвительно подумал Мальбер.

– Недавно он снова овдовел... Законных детей у него нет, и... Словом, он решил удочерить меня и оставить мне все свое состояние.

В комнате наступило молчание, и было только слышно, как на улице беззаботно чирикают птицы да где-то наверху, за толстыми стенами, вопит какой-то человек. Но крик вскоре стих.

– Подведем итоги, и поправьте меня, пожалуйста, если я что-то не так понял, – негромко начал Мальбер. – Ваша мать – француженка, отец – русский. Когда вы родились, мать отдала вас на воспитание своей сестре. В какой-то момент в жизни вашего отца возникает эта Надин, и ваша мать погибает. У следствия много подозрений, но, очевидно, доказать они ничего не сумели. Вы долгое время жили в неведении, но тут появляется ваш отец и сообщает, что удочерит вас и оставит вам все деньги. Что именно вас беспокоит, мадемуазель?

Он увидел, как сжались губы девушки, и стал с любопытством ожидать ответа.

– Если он убил мою мать, то я не хочу его денег, – сдавленно промолвила Луиза. – И знать его тоже не желаю.

Доктор Мальбер вздохнул и потер подбородок.

– О какой именно сумме идет речь?

– Если считать на франки, то это несколько миллионов.

Доктор впал в задумчивость. Он придерживался мнения, что большинство людей готовы продать своих близких не то что за несколько миллионов, но и за гораздо более скромную сумму; а тут, похоже, налицо был совершенно иной случай, и Мальбер не был уверен, что у его собеседницы это временная блажь или пустые слова.

– Если он убийца, для меня его деньги ничего не значат, – упрямо повторила девушка. – Я бы жила так, как раньше, с теми, кого считала моими близкими и кто никогда меня не обижал... а теперь... Я все время думаю, он убил мою мать или не он... Эта мысль отравляет всю мою жизнь, понимаете? Я даже видеть его спокойно не могу...

– Вы пытались поговорить с ним на эту тему? – прищурился доктор.

– Конечно! – вскинулась Луиза. – Он был крайне недоволен тем, что тетя мне рассказала об убийстве моей матери... Сам он лишь мельком упомянул, что она погибла в результате несчастного случая.

– Боюсь, мадемуазель, убийство и несчастный случай – вовсе не одно и то же, – серьезно промолвил доктор. – Что еще он вам рассказал?

– Когда я напрямик спросила его, не он ли убил мою мать, отец начал клясться, что он тут ни при чем, – сказала девушка. – Но ведь он не мог сказать иначе, верно?

– Вы ему не поверили?

Луиза замялась.

– Я узнала, что его родная сестра сейчас живет в Париже, – проговорила она наконец. – Я пошла к ней, чтобы... чтобы задать несколько вопросов. Я сообщила ей, кто я, и объяснила, зачем пришла. Она сказала буквально следующие слова: «Боюсь, я ничем не могу вам помочь. Серж мерзавец, и я уже много лет с ним не общаюсь». Но от нее я все же кое-что узнала. В убийстве подозревали отца, Надин и их слуг. В высшем обществе считали, что убил либо он, либо она, а слуги тут ни при чем, на них просто пытались свалить всю вину. Когда отца арестовали, он упирался до последнего, оскорблял следователей и вообще вел себя очень вызывающе. Он так и не признался, что у него была связь с моей матерью и что Надин тоже была его любовницей. – Луиза сглотнула, на ее лице появилось потерянное выражение. – Когда на следствии зашла речь обо мне, отец заявил: у него нет никаких детей, все это чистая ложь. Его родные и родственники Надин писали письма императору, умоляли его прекратить это дело, но тот не пожелал вмешиваться. Вся эта история, слухи, которые ее сопровождали, газетные статьи очень плохо сказались на имени семьи и особенно – на репутации моего отца. Многие родственники поссорились с ним или вообще прекратили общение... Тут я не выдержала и спросила, считает ли сестра его убийцей. Она пожала плечами и ответила, что ее бы это не удивило, но никаких доказательств у нее нет, как нет и доказательств обратного. С тем я и ушла. Позже я решила найти Надин и поговорить с ней. Тут я узнаю, что она, оказывается, уже больше года находится у вас... Скажите, доктор, почему она сошла с ума?

– Считается, что люди сходят с ума по двум причинам: либо из-за жизненных потрясений, либо по причине наследственности, – спокойно ответил доктор.

– А мадам Белланже?..

– Мне ничего не известно о ее родных, которые страдали бы тем же недугом.

– Тогда получается, что... – Луиза закусила губу. – И какое же потрясение привело ее сюда? Я хочу сказать, она была богата, у нее был муж, который души в ней не чаял... Знаменитый драматург, а теперь еще и директор театра...

– Думаю, я могу вам кое-что сообщить, тем более что вы все равно рано или поздно об этом узнаете, – усмехнулся Мальбер. – Первые признаки болезни появились у мадам Белланже еще несколько лет назад. Она начала заговариваться, беседовала с невидимым собеседником по-русски, потом заливалась слезами и швыряла вещи в пустоту. Мсье Белланже очень любил свою супругу, но в конце концов ее поведение стало его тяготить, а тут как раз подвернулась молодая актриса, которая играла одну из второстепенных ролей в его пьесе. Мсье Белланже не выдержал соблазна и завел с ней интрижку, но вы сами понимаете, что в нашем мире такие вещи незамеченными не проходят. Само собой, мадам Белланже обо всем рассказали, и через некоторое время она бросилась на соперницу с ножом.

Кровь отхлынула от щек Луизы.

– С ножом? Боже мой...

– Вам это что-нибудь говорит?

– Да, моя мать... Ее зарезали.

– Ну, в этот раз все обошлось – подросли слуги, нож у мадам Белланже отобрали, но в пылу борьбы она успела пораниться. После этого с ней случился тяжелейший нервный припадок, она фактически стала невменяемой. Через несколько дней муж привез ее сюда. – Доктор Мальбер пролистал несколько страниц в папке, лежащей перед ним на столе. – Он рассказал мне кое-что о ее семье и о ее первом муже, который много пил и в конце концов умер, не дожив до сорока лет. Насколько я понял, Надин уверяла Белланже, что она была крайне несчастна и в прошлой жизни ее окружали одни исчадия ада. Однако Белланже и словом не упомянул о том, что его супруга оказалась замешана в такой истории с убийством.

– Скажите, доктор, – несмело начала Луиза, – а она могла сойти с ума из-за воспоминаний о том, что сделала когда-то? Я хочу сказать, если это она убила мою мать... Она ведь может как-то выдать себя? Проговориться или как-нибудь еще...

«Ну конечно, – мелькнуло в голове у доктора, – если убийца – Надин, тогда можно соглашаться на удочерение и тратить деньги новоявленного папаши без всяких угрызений совести». И еще он поймал себя на мысли, что вся эта история уже начала его немного утомлять.

– То есть вы пришли сюда, собираясь задать мадам Белланже вопрос, является ли она убийцей? – произнес он вслух. – Боюсь вас разочаровать, мадемуазель, но такими методами вы ничего не добьетесь. Чтобы узнать, что там на самом деле произошло, надо поехать на место преступления, найти тех, кто вел это дело, разговорить свидетелей, если они все еще живы... Не забывайте, что с тех пор прошло уже двадцать лет, то есть ваши шансы докопаться до истины практически равны нулю. К тому же речь идет о чужой стране. Их языка, судя по всему, вы не знаете... Сколько хлопот, столько сложностей, и ведь нет никакой гарантии, что вы добьетесь хоть какого-то результата...

Он замолчал. Застыла и Луиза.

– Я бы хотела все же увидаться с ней, – промолвила девушка наконец. – Если это возможно, конечно.

– У нее сейчас период относительного просветления, – сказал доктор, закрывая папку. – Пожалуй, я разрешу вам одно свидание, но я настоятельно прошу вас поаккуратнее подбирать слова в разговоре с мадам Белланже и не упоминать о том, что вы дочь ее соперницы. Вы понимаете меня, мадемуазель?

– Разумеется, – кивнула Луиза, поднимаясь с места. – Благодарю вас, доктор. Вы даже не представляете, насколько это важно для меня, – добавила она, волнуясь.

Доктор Мальбер потянулся к звонку, чтобы вызвать служителя, но передумал. «Вряд ли она удержится от соблазна, увидев женщину, которая, возможно, лишила ее родной матери... Да и реакция мадам Белланже может быть непредсказуемой... Если я буду находиться поблизости, то не исключено, что по этой реакции пойму настоящую причину ее заболевания. Потому что возможно, девушка права и Надин Белланже в самом деле когда-то давно убила человека».

– Прошу вас следовать за мной, – сказал он, поднимаясь с места. – Сюда, мадемуазель.

Глава 1. Посетительница

– Семь комнат – это не так уж много, – сказала Амалия.

– Разумеется! – горячо поддержала ее мать, Аделаида Станиславовна.

– Гостиная, столовая, детская, спальня, библиотека, кабинет для меня и комната для прислуги, – перечислила Амалия. – А у Александра даже нет своего кабинета! И я совершенно не представляю, что мне делать, если кто-нибудь из вас, например, останется у нас ночевать¹.

Этот разговор происходил в квартире, расположенной в одном из домов Невского проспекта благословенного города Санкт-Петербурга, который в те годы был столицей Российской империи. Выйдя замуж за барона Александра Корфа, Амалия перебралась с ним в другое жилье, а ее мать и дядя Казимир остались в прежней квартире, где она нередко их навещала.

– Боже мой, – вздохнула Аделаида Станиславовна, раскрывая веер, – а я ведь помню те времена, когда мы ютились по разным углам!

И, не удержавшись, она рассмеялась счастливым смехом человека, который имеет все основания считать, что его жизненные невзгоды остались позади.

– В бедности нет ничего хорошего, – заметила Амалия наставительным тоном, который плохо вязался с ее возрастом. По правде говоря, баронессе фон Корф недавно только исполнился двадцать один год.

– Конечно, ничего! – вскинулась Аделаида Станиславовна. – Хуже только быть бедным и больным разом... Так что ты придумала по поводу квартиры?

– Я узнала, что на Английской набережной освободился очаровательный особняк, – сказала Амалия. – Раньше его снимали Платовы, но теперь он им не по карману, и они съезжают. Думаю пока снять его, а если мне понравится там жить, то и купить. О доме ведь никогда ничего толком не скажешь, пока сам там не поживешь.

– Ты уже говорила об этом с Александром? – прищурилась мать.

– Нет еще, но почему он должен быть против? Я же говорю, сейчас у него даже своего кабинета нет...

Аделаида Станиславовна была умна и прекрасно понимала, что мужья, даже самые лучшие на свете, не всегда бывают в восторге от задумок своих жен; но она видела, что Амалия уже все для себя решила, и подумала, что ей не стоит портить дочери настроение по такому пустяковому поводу. В конце концов Английская набережная – это центр города, аристократический район, и Александру там тоже должно понравиться.

– Не забудь пригласить нас в гости, когда переедешь, – сказала Аделаида Станиславовна, улыбаясь.

– Мама! Ну ты же знаешь, что я всегда рада тебя видеть...

От Аделаиды не укрылось, что она присутствовала во фразе в единственном числе, в то время как ее брат Казимир даже не был упомянут. Увы, Амалия не любила своего дядю. С ее точки зрения, он был повеса, мот и вообще человек совершенно никчемный. Он раздражал ее, и она ничего не могла с этим поделать. До сих пор между ними не случилось серьезной ссоры только потому, что Казимирчик обладал неоценимым талантом не попадаться лишний раз на глаза людям, которые его не жалуют. Вот и сейчас, когда приехала племянница, выяснилось, что дядюшка мирно дремлет у себя. Хотя до сих пор у него не наблюдалось привычки спать днем.

¹ Квартирный вопрос у более-менее обеспеченных слоев в эпоху империи имел довольно специфические формы. См., например, у Гончарова: «Квартира у меня, как видишь, холостая, для одного: зала, гостиная, столовая, кабинет, еще рабочий кабинет, гардеробная да туалетная – лишней комнаты нет» («Обыкновенная история»).

– Я надеюсь, моего брата ты тоже пригласишь, – сказала Аделаида Станиславовна, кашлянув и напустив на себя самый серьезный вид.

Амалия пожала плечами со всей беззаботностью, на какую была способна.

– Ну, если уж без этого не обойтись...

– Амалия! Он же все-таки мой брат...

– Он еще не собрался жениться? – с любопытством спросила баронесса.

– Господи! – ужаснулась Аделаида. – Как будто ты не знаешь, как он относится к браку...

– Конечно, знаю, но ведь сама посуди: обычно люди, которые клянутся, что ни за что не сделают того или этого, заканчивают как раз тем, что нарушают все свои обещания...

– Не стану притворяться, я была бы очень рада, если бы Казимир остепенился и нашел себе хорошую жену, – вздохнула Аделаида Станиславовна. – Но пока что-то незаметно, что он собирается образумиться. Я тебе не говорила, но я его с кем только не знакомила – и с полячками, и с русскими, и с лютеранками, и с титулованными, и с богатыми, и кого только среди них не было. Любой другой на его месте уже десять раз успел бы жениться, но я совершенно не понимаю, кто нужен Казимиру. И вообще, что можно сказать человеку, когда он заявляет, что ему лучше всего среди своих близких и ни одна женщина на свете не стоит нашего мизинца?

– Да уж, с таким доводом трудно поспорить, – заметила Амалия.

– Он выбивает у меня почву из-под ног, – пожаловалась Аделаида, складывая веер. – Получается, я словно пытаюсь от него избавиться, а я всего лишь хочу, чтобы у него была своя семья и свой дом. Но...

Из передней донесся глухой звонок.

– У меня не получается никого воспитывать, – горько промолвила Аделаида. – Даже детей сложно чему-то научить, а что тогда говорить о взрослом человеке?.. Кто там?

Последний вопрос был обращен к немолодой горничной, которая только что показалась в дверях.

– Какая-то французская барышня, – последовал ответ. – Я не поняла, чего она хочет, потому что не говорю по-французски. Она отдала мне эту карточку.

Аделаида протянула руку за визиткой, просмотрела то, что на ней значилось и, пожав плечами, передала карточку дочери. На ней было написано: «Мадемуазель Луиза Делорм», а сбоку от руки было приписано по-французски: «Мне хотелось бы поговорить с месье Казимиром Борницким по чрезвычайно важному делу».

– Фамилия написана неправильно, – спокойно заметила Амалия, кладя карточку на стол. – И почерк неровный, прыгающий, как будто человек, который это писал, сильно волновался. Как эта барышня выглядит?

– Лет двадцати, – ответила горничная, подумав, – невысокая блондинка. Не красавица, но довольно милая.

– Какая-нибудь гувернантка? – вздохнула Аделаида. – Это вполне в духе Казимира. Лучше уж я скажу ей, что его нет дома.

– Если дело действительно важное, то так просто она не уйдет, – вмешалась Амалия. – Может быть, лучше разбудить дядюшку и покончить с этим сразу? В конце концов, если он сам виноват, то пусть сам и расхлебывает...

И прежде чем мать успела возразить, баронесса фон Корф уже поднялась с места.

– Я поговорю с девушкой и приведу ее сюда, а ты пока разбуди дядю, – сказала Амалия.

Чувствуя смутное неудовольствие, Аделаида отправилась на поиски Казимира, который, лежа на диване в роскошном вишневом халате с золотыми кистями, читал роман «Граф Монте-Кристо».

– Я думала, ты спишь!

– Я уже выспался, – бодро ответил Казимирчик, захлопывая книгу. – Амалия ушла?

– Нет, и еще Луиза объявилась. Придется тебе с ней поговорить.

– Какая еще Луиза? – изумился ее брат.

– Луиза Делорм. Француженка, блондинка, не говорит по-русски. Ты уже ее забыл?

– Я вообще в первый раз о ней слышу, – не моргнув глазом отозвался Казимир, и тут Аделаида рассердилась по-настоящему.

– Неужели? А она уверяет, что у нее к тебе очень важное неотложное дело! Вставай!

Когда через минуту Казимир в сопровождении своей сестры появился на пороге гостиной, вид у него был крайне сердитый. Девушка в светло-коричневом платье, примостившаяся на краешке кресла напротив Амалии, живо обернулась, и Аделаида сразу же заметила: гостя нервничает. Личико сердечком, вздернутый носик, маленький рот, ямочка на подбородке, светлые волосы уложены в простую прическу – барышня как барышня, ничего особенного. Но глаза у нее были пытливые, неглупые и, пожалуй, даже упрямые. Такой человек, если уж что вобьет себе в голову, ни за что не отступится, и Аделаида Станиславовна мысленно приготовилась к тому, что в ближайшие полчаса ее ненаглядному братцу придется нелегко.

– Кажется, мама, это не то, что мы подумали, – заметила Амалия вполголоса. – Впрочем, пусть она лучше сама все расскажет, потому что я мало что поняла.

– Полагаю, мне прежде всего лучше представиться, – начала гостя по-французски, стискивая сумочку. – Меня зовут Луиза Делорм, я приехала из Парижа. Некоторое время назад я узнала, что моя мать – Луиза Леман.

Аделаида охнула и подняла руки ко рту.

– Боже мой... Так вы ее дочь! То-то мне показалось, что вы кого-то напоминаете...

– Вы хорошо ее знали? – быстро спросила девушка.

– О да, конечно! Она ведь жила по соседству... Казимир, ты ведь помнишь Луизу?

– Еще как, – буркнул тот, насупившись. Судя по всему, это воспоминание не сулило ничего хорошего.

– У отца моего покойного мужа была усадьба в Полтавской губернии, – объяснила Аделаида. – С одной стороны там соседи Мокроусовы, с другой – Кочубеи, которым принадлежит большая часть земли в этих краях... – Она покачала головой. – Просто поразительно, как время летит! Ведь уже двадцать лет прошло...

– Я ничего не знала об этой истории, – поторопилась объяснить девушка, переводя взгляд с Аделаиды на хмурого Казимира и обратно. – Несколько недель назад мой отец разыскал меня, и тогда люди, которых я считала своими родителями, рассказали мне все... Что моя мать жила с господином Мокроусовым в его имении, а потом ее нашли убитой... И что у отца был в то время роман с другой женщиной, женой Виктора Кочубея... которая потом уехала во Францию и вышла замуж за драматурга Белланже... Я ужасно растерялась... Мне все казалось, что это какая-то шутка, я сплю и вижу страшный сон... Ведь мои родители, то есть те, кого я считала своими родителями, они очень хорошие... и тут...

Казимир вздохнул и, оглянувшись на женщин, сел в кресло.

– Я все же не совсем понимаю, зачем вы приехали сюда, – промолвил он сухо, скрестив руки на груди, – и что, собственно, вы рассчитываете услышать от меня.

Луиза вскинула голову. Тон Казимира ей не понравился, но покамест она решила не заострять на нем внимания.

– Я хочу узнать, кто убил мою мать, – объявила гостя звонким голосом. – Для меня это вопрос жизни и смерти. Мой отец хочет со мной общаться, дать мне свою фамилию, назначить основной наследницей, но... Но я не могу подать ему руки, пока в нем не уверена до конца. Ведь следствие считало, что именно он убийца.

– Собственно говоря, – усмехнулся Казимир, – у следствия было всего двое подозреваемых: ваш отец и Надежда Кочубей. Потом появилась версия, в преступлении может быть замешан кто-то из слуг. Это было уже после того, как заменили старого следователя... Ада, как его звали? Того, у кого забрали дело?

– Курсин, – подсказала Аделаида Станиславовна. – Марс... нет... Меркурий Федорович Курсин.

– Ну да, – кивнул Казимир. – Дело было, в общем, простое, мне и сам Курсин так говорил. Он допросил свидетелей, собрал улики и вот-вот должен был точно сказать, кто из этих двоих виновен, а кто нет. Но тут вдруг все усложнилось. Внезапно выяснилось, на следователя накопилось множество жалоб, и дело он вел как-то не так, и вообще он не справлялся...

Амалия нахмурилась.

– Его заменили другим, более сговорчивым? – спросила она.

– Ну конечно! – вскричал Казимир. – Новый следователь, как говорили знающие люди, получил кучу денег от Мокроусова и от Кочубеев. Это он и придумал версию о слугах, которые могли убить Луизу Леман. Он из кожи вон лез, чтобы обвинить то одного, то другого, но всякий раз что-то не сходилось. А главное, – мстительно прибавил дядюшка Амалии, – он ничего не мог поделаться с показаниями нашего слуги Якова, которые Курсин записал и подшил к делу, так что отмахнуться от них было нельзя.

– И что сообщил ваш Яков? – быстро спросила Луиза.

– Он видел, как Сергей Петрович Мокроусов в сумерках вытаскивал из дома нечто тяжелое, завернутое в одеяло, – мрачно сказала Аделаида. – Затем он затолкал это нечто в повозку, причем рядом не было ни слуг, ни кучера, и уехал. А на следующий день тело Луизы Леман нашли в овраге, и следствие сразу же установило – убили ее где-то в другом месте, а тело перевезли. Догадываетесь, кто его перевозил?

Глава 2. Дела давно минувших дней

– Мой отец? – тихо спросила Луиза.

Казимир сделал выразительную гримасу, показывая, что лично он в этом не сомневается.

– Это была вовсе не единственная улика, – добавила Аделаида. – Ведь господин Курсин нашел множество доказательств того, что Надежда Кочубей и Мокроусов были замешаны в убийстве. Но следователю не дали довести расследование до конца.

– И чем же все закончилось? – вмешалась Амалия. – Странно, я совсем не помню это дело...

– Как ты можешь это помнить, если ты тогда только начала ходить? – засмеялась Аделаида Станиславовна. – Это же было так давно!

– Но ведь преступление было громкое, его наверняка обсуждали и гораздо позже...

– Обсуждали, – кивнула мать, – года три обсуждали, пока тянулось следствие, но за это время оно всем порядком надоело. Хотя, когда посадили Мокроусова, все оживились...

– О! Так его все-таки посадили?

– Не по приговору суда, а только в предварительное заключение. Чтобы он не убежал за границу, как его любовница. И то, послушать Сергея Петровича, так власть подвергла его немыслимым притеснениям...

– Хуже ссылки в Сибирь, – хмыкнул Казимирчик, блестя глазами.

– И вообще все враги сплотились, чтобы его уничтожить. Если верить господину Мокроусову, так и Луизу зарезали исключительно для того, чтобы ему досадить...

– Мама! – Амалия нахмурилась, взглядом указывая на притихшую девушку в коричневом платье. – Ты так и не сказала, как ему удалось выкрутиться, если все было против него.

– Обстоятельства – да, против, но ты забываешь, что новый следователь как раз был очень даже за, – усмехнулся дядюшка. – Он провел очень кропотливую работу. Те из свидетелей, чьи показания чего-то стоили, вдруг передумали и заговорили о том, что они уже не так уверены в том, что видели. По странному совпадению у этих свидетелей ни с того ни с сего стали появляться деньги.

– Наш Яков, конечно, отказался от подкупа, – объявила Аделаида. – Но теперь оставалось одно его свидетельство против всех остальных. В конечном итоге новый следователь нашел убийцу – это оказался бывший слуга Мокроусовых Егор Домолежанка, которого Луиза уволила. Правда, выходило так, что Домолежанка ждал больше месяца, прежде чем отомстить, но кого волнуют такие мелочи? Никого не интересовало и то, что он в тот вечер был в другом месте, где его видели два или три человека. Несмотря на все эти обстоятельства, он признался в убийстве и был сослан в Сибирь, а следователь получил благодарность за успешное раскрытие дела.

– Почему же Домолежанка признался, если был не виноват? – спросила Амалия.

– Его жена и трое детей ютились в плохонькой избушке с его родителями, старшими братьями Егора и их женами, – подал голос Казимир. – А как только Домолежанка сознался, его супруга собралась с детьми и уехала в Черниговскую губернию. Теперь у них там хороший дом, овцы, козы, куры, большое хозяйство. Откуда? Ну разумеется, случайное совпадение, и Сергей Петрович Мокроусов никакого отношения к этому не имеет.

– Хочешь сказать, Домолежанка за деньги взял на себя чужую вину?

– Конечно. Он парень был крепкий, что ему Сибирь? Он еще оттуда к жене вернется, а может, и уже вернулся, и все честь честью, по амнистии какой-нибудь. Родители его супругу не любили, она батрачка была, бесприданница, жены братьев тоже ее клевали. А теперь она сама себе хозяйка и на всех них может свысока смотреть.

– Это ужасно, – сказала Луиза болезненным голосом. – Если вы правы и настоящий преступник избежал наказания...

– Я все-таки не думаю, что это был Сергей Петрович, – решительно сказала Аделаида. – Зарезать женщину, да еще так жестоко... Нет, мне кажется, он на такое не способен. Мне почему-то кажется, он Надежду покрывал. Ведь неспроста же она сбежала за границу после первого же допроса... Чего ей было бояться, если она невиновна?

– А Сергей Петрович остался, как настоящий рыцарь, и защитил прекрасную даму, которая из-за него попала в неловкое положение, – заметил Казимир. Каждое его слово дышало желчной язвительностью, которая у дядюшки Амалии вообще-то встречалась редко, и Аделаида озадаченно взглянула на брата.

– Это на него похоже? – подняла брови Амалия.

– На него? – фыркнул дядюшка. – Конечно же, нет! Он никогда ни о ком не заботился, кроме самого себя, и признавал только то, что было хорошо для него.

– Казимир его терпеть не может, – сочла нужным прояснить Аделаида.

– А за что мне его уважать? – рассердился дядюшка, поворачиваясь к Амалии. – Между прочим, это ведь я с твоим отцом нашел труп Луизы! Потому что этот подлец Мокроусов перевез тело на землю соседей, чтобы подозрение в убийстве пало на нас!

Тут, очевидно, нервы у гостей не выдержали. Она закрыла лицо руками и разрыдалась.

– Не стоило так говорить, – заметила Амалия вполголоса, в то время как Аделаида Станиславовна бросилась успокаивать мадемуазель Делорм.

– Она хотела знать правду – я ей ее сказал, – отмахнулся бессердечный Казимир, поднимаясь с места. – Мой совет – если не можете выдержать правду, то не стоит заниматься ее поисками...

И, сочтя, что он уже сообщил достаточно, Казимир отвесил гостье короткий поклон и с достоинством посеменил к двери, заложив большие пальцы рук за пояс. Но, к неудовольствию Казимира, Амалия последовала за ним.

– Дядя, скажи, что ты думаешь обо всей этой истории?

– Я о ней вообще не думаю, – мгновенно отреагировал тот.

Через несколько шагов Амалия и ее дядюшка оказались в столовой. Завидев на столе тарелочку с тонко нарезанной ветчиной, Казимир подошел к ней и стал поедать кусок за куском, жмурясь, как кот. Впрочем, он вообще чем-то неуловимо походил на кота: в дни бедности – на тощего, неухоженного и несчастного, а сейчас, когда все было хорошо, – на сытого и довольного собой.

– У меня сложилось впечатление, что ты знал всех действующих лиц этого любовного треугольника, – помедлив, промолвила Амалия. – Я имею в виду Сергея Петровича Мокроусова, Луизу Леман и Надежду Кочубей.

– Господи боже мой, – заворчал дядюшка, доедая ветчину и облизывая пальцы, на что он отваживался только в домашнем кругу, – да ведь это же деревня, понимаешь? Конечно, мы знали всех своих соседей на двадцать верст в округе, и слуг, и крестьян, у кого какие проблемы, кто болен и все такое прочее... – Он опустил руку и прищурился. – А чем тебя так заинтересовало дело Луизы? Уверю тебя, ничего особенного в нем нет. Грязная история, ничуть не лучше тех, о которых вещает петербургская пресса. Взять хотя бы вчерашнее происшествие, когда прачка нарочно опрокинула чан с кипятком на соперницу, а все из-за того, что им нравился один и тот же лакей...

– Мне жаль эту девушку, – сказала Амалия, думая о сегодняшней гостье. – Я о мадемуазель Делорм. Ей будет очень нелегко...

– Ах, скажите пожалуйста! – вскричал Казимир развешивающим тоном, театрально воздевая руки. – Подумать только, и что же с ней произошло? Ах, ну да, конечно! В ее жизни объявился безутешный отец, который жаждет осыпать ее золотом. Есть, правда, маленькая

закавыка – папаша то ли убил мамашу, то ли не убил. Да какая разница в конце концов? – спросил дядюшка, резко меняя тон. – Мать она в жизни не видела, а если бы та осталась жива, то, скорее всего, наша гостя все равно бы ее никогда не увидела. Папаша, возможно, убийца, но, по крайней мере, у него есть весомые аргументы, чтобы загладить свою вину. Деньги! Много денег! А если кто сейчас скажет, что деньги – это вздор и ничего не значат в этой жизни, пусть отдаст мне все свои капиталы, до последней копеечки! Что? Нет желающих? Все сразу же притихли? – грозно спросил Казимир воображаемую публику. – То-то же!

Закончив это импровизированное выступление, дядюшка Амалии рухнул в кресло. Он разгладил складки на халате, расправил кисти пояса и вытянул руки вдоль подлокотников, с иронией глядя на племянницу снизу вверх.

– Дядя, нельзя все мерить только деньгами, – сказала молодая женщина серьезно.

– Все – нельзя, – согласился Казимир. – Но многое – вполне можно. – Он прищурился. – Или ты всерьез думаешь, что, если наша гостя каким-то чудом выяснит, кто именно зарезал Луизу Леман, это поможет воскресить жертву?

– Ты опять передергиваешь, – терпеливо сказала Амалия. – Точнее, упрощаешь. Ты ведь прекрасно понимаешь на самом деле, почему она здесь. Несправедливость возмущает человека, а уж когда это касается кого-то из близких...

– Справедливость вообще не является условием существования этого мира, – отрезал Казимир, который сегодня, судя по всему, был настроен на боевой лад и вовсе не собирался уступать. – Прости меня, но боюсь, что с точки зрения вселенной нет никакой разницы, существует Луиза Леман или нет.

– Или ты, например, – поддела его Амалия.

– Ну и кто теперь передергивает? – хмыкнул Казимир, откидываясь на спинку кресла. – Боже мой, ты, кажется, восприняла порыв этой дурочки всерьез. Держу пари, что ты уже собираешься ей помогать! – Амалия вспыхнула. – Да пойми же ты, она не хочет узнать правды, потому что та уже ничего не изменит. Да, я настаиваю: никакая правда ей не нужна, но вот эта неприятная иголочка, которая зовется совестью... Вот она и заварила всю эту кашу! И не Луиза Делорм по своей воле прокатилась из Парижа в Петербург – это ее беспокойная совесть притащила девушку сюда. Дальше малышка создаст видимость действий, ничего не добьется и уедет восвояси. Главное – создать видимость, чтобы у чертовой совести был повод успокоиться: ага, ты же видишь, дорогая совесть, я не сидела сложа руки, действовала, но ничего не нашла, поэтому тебе лучше угомониться и знать свое место! А виноват во всем этот дурак Мокроусов! Он всегда был кретином, несмотря на свои замашки хозяина жизни... Кретином он и умрет! Если бы он проявил хоть немного такта, то мог бы подать эту историю совсем иначе или устроить так, чтобы дочь вообще ничего об этом не узнала. Но у этого человека, – нараспев проговорил Казимир, и его глаза сузились, – просто поразительный талант из всех возможных вариантов выбирать самый скверный. И ладно бы страдал от этого он один – нет, окружающим почему-то всегда еще хуже! Ты заметила, я надеюсь, у дочери все в жизни было прекрасно, пока он не появился?

– Скажи, – не утерпела Амалия, – у тебя есть какие-то причины его не любить?

– Это был 1864 год, – придушенным голосом напомнил Казимир. – Напоминать, что было накануне? Польское восстание на западе Российской империи. А моя сестра замужем за русским, и живем мы среди русских помещиков. Каждый вечер встречались или у кого-то из соседей на вечере, или за картами, или за ужином. Среди них попадались очень даже разные люди, но думаешь, хоть кто-то из них прохаживался насчет нашего с сестрой польского происхождения или шутил по поводу того, почему мы до сих пор не удрали в Париж вместе с зачинщиками мятежа? Только один человек позволял себе такие выходки: Сергей Петрович Мокроусов, и он страшно гордился своим остроумием.

– Ты мог вызвать его на дуэль, – хладнокровно заметила Амалия и стала с интересом ждать, как именно изворотливый дядюшка попытается оправдать свое категорическое нежелание выходить к барьеру. Однако она недооценила коварство своего родича.

– Я не успел, – не менее хладнокровно парировал Казимирчик. – Это сделал твой отец.

Амалия открыла рот:

– Папа стрелялся с Мокроусовым на дуэли?

– Ну да. Твоего отца, вообще говоря, было нелегко вывести из себя, но Мокроусову это удалось.

– Я правильно понимаю, что после дуэли этот любитель шуток утратил к ним интерес?

– Скажем так: теперь он остерегался задевать твою мать и меня, зато отыгрывался на других.

– Маму? – Амалия нахмурилась. – Чем она ему не угодила?

– Адочка была красавицей, да она и сейчас красавица, – объявил Казимир. – А Мокроусов был уверен, что все женщины от него без ума и стоит ему только пальцем поманить любую, все будет как он захочет. А твоя мать его высмеяла, при всех, очень зло высмеяла. Ух, как он взбесился – надо было видеть, как засверкали его глаза! Луиза подошла что-то у него спросить, а он взял поднос с едой и швырнул ей прямо на подол нового платья. И поверь мне, это не было что-то из ряда вон выходящее – такие фокусы он проделывал постоянно. Говорю тебе об этом, чтобы ты не питала на его счет иллюзий, когда он появится.

– Насколько я поняла, он сейчас в Париже. С какой стати ему приезжать сюда?

– Да с такой, что, когда ты убийца и твое преступление кто-то берется расследовать по новой, ты поневоле будешь волноваться, – пожал плечами дядюшка. – Или он убийца, или сообщник – третьего не дано. И не надо меня убеждать, что Яков уже старый, в сумерках видел не того человека или вообще ошибся. У Якова всю жизнь было орлиное зрение!

Глава 3. Особняк

– Должен признаться, я не понимаю, чем тебя так заинтересовала эта история, – заметил Александр Корфф на следующее утро, когда жена рассказала ему о визите Луизы. – Обыкновенная уголовщина, а то, что в ней оказался замешан дворянин, вовсе не делает ему чести. Впрочем, если правда то, что я о нем слышал в свое время, рано или поздно все бы неминуемо закончилось чем-нибудь подобным.

– А что ты о нем слышал? – спросила Амалия с любопытством.

– Он получил очень хорошее образование, – сказал Александр, – много путешествовал по Европе и из одной такой поездки привез с собой домой эту Луизу Леман. Сергей Петрович жил с ней, а также время от времени и с другими женщинами, потому что привык ни в чем себе не отказывать. Впрочем, всякий раз он все равно возвращался к Луизе. Потом он встретил Надежду Белозерскую, которая незадолго до того вышла замуж за Виктора Кочубея. Надежда была не то чтобы красавица – рыжеватая и низкорослая, с тяжелыми скулами, – но при всем при том умела себя подать, мужчинам с ней было очень интересно. Виктор ее надежд не оправдал, потому что много пил и проматывал деньги в карты, она переключилась на Мокроусова. С его связями, если бы он захотел на ней жениться, он бы мог добиться того, чтобы ей быстро дали развод. Тут Луиза, очевидно, встревожилась. У нее самой были виды на Сергея Петровича, и она вовсе не собиралась возвращаться домой, оставив его сопернице. Что было дальше, тебе уже рассказали. За убийство в конце концов осудили бывшего слугу, и он даже сознался в этом, но я не думаю, чтобы хотя бы дюжина человек из хорошего общества приняла его слова за чистую монету.

– То есть мы опять возвращаемся к тому же, – вздохнула Амалия. – Сергей Мокроусов или Надежда Кочубей? Вот в чем вопрос!

– Да нет там никакого вопроса, – сказал Александр уже с досадой. – Пойми же ты наконец: они оба виноваты, и совершенно неважно, кто из них именно убил Луизу физически. Мужняя жена не должна вешаться на шею постороннему мужчине, пусть даже у него не было бы любовницы, а порядочный мужчина не должен так обращаться со своими женщинами, как Сергей Петрович.

– Может быть, ты и прав, – задумчиво заметила Амалия, глядя на букет в фарфоровой вазе, стоящей на столе, – но для Луизы Делорм все-таки есть большая разница в том, кто убил ее мать, отец или кто-нибудь другой.

– И что она намерена предпринять по этому поводу? – довольно сухо спросил Александр.

– Она сообщила мне, что была у французского посла и обсудила с ним свою ситуацию...

– Наверняка изрядно его при этом озадачив, – хмыкнул Александр.

– Возможно, но не будем отвлекаться. В посольстве ей показали кое-какие бумаги, ведь Луиза была французской подданной, и посол следил за ходом следствия. Также посольские служащие выяснили, что мой дядя Казимир живет в Петербурге, и мадемуазель Делорм решила с ним об этом поговорить. Его имя упоминалось в материалах по делу.

– Скажи, почему бы ей не удовольствоваться официальным результатом расследования?

– Может быть, потому, что никто в него не верит? – вопросом на вопрос ответила молодая женщина.

– Послушай, Амалия...

– Я тебя слушаю, Саша, и очень внимательно.

– Тогда я буду откровенен. Мне нет никакого дела до Луизы Леман, до ее дочери и... словом, ты меня понимаешь. Даже по рассказам взрослых я помню, что эта история вылилась в чудовищный скандал. Грязь сплетен и домыслов забрызгала не только самого Мокроусова, который это вполне заслужил, – пострадали и его сестры, совершенно приличные люди, и мать,

которая вскоре после этого умерла, и вся семья Кочубеев, – только из-за того, что их имя связывали с Надеждой, а уж что говорили о ней самой, даже и повторять не хочется. Прости меня, но когда я слышу, что кто-то собирается вновь раскапывать это дело, я начинаю думать, а на кого грязь полетится в этот раз. Ты как-то очень наивно смотришь на вещи...

– Вовсе нет! – Упоминание о наивности рассердило Амалию хуже любого оскорбления.

– По крайней мере, я надеюсь, ты не дала мадемуазель Делорм никаких неосторожных обещаний?

– Мм... Я сказала, что если она захочет увидеть место, где все произошло, и поговорить с людьми, я не буду ей мешать.

– С какими еще людьми? – спросил Александр тяжелым голосом, буравя жену недоверчивым взглядом.

– Со слугами в нашем имении, слугами в соседней усадьбе, где жила Луиза. Ну и вообще со всеми, кто хоть что-то может знать и рассказать.

– Поразительно, просто поразительно, – промолвил Александр после паузы, растирая рукой лоб, словно у него вдруг заныла голова. – Когда мама приглашает тебя на бал или вечер, у тебя вечно нет времени. А помогать какой-то авантюристке...

– Она не авантюристка, – твердо ответила Амалия, – и вообще, знаешь ли, я ее зауважала. Другая на месте Луизы согласилась бы на удочерение, взяла бы деньги Сергея Петровича и не слишком бы размышляла о том, кто убил ее мать и почему...

Зеленое петербургское солнце заглянуло в окно, увидело двух молодых, красивых, светловолосых людей – одного с военной выправкой, другую в платье цвета бледной бирюзы, – и, устыдившись, принялось разгонять облака, которые таранились на свои отражения в Неве и никак не хотели уходить.

– Амалия, – решился Александр, – прости, но я против того, чтобы ты занималась этим делом.

Тут Амалия сделала то, за что ей потом было немножко стыдно, и даже не немножко, а гораздо больше. Нет ничего плохого в том, чтобы пойти на тактическую хитрость – если речь идет об обмане несимпатичного человека; но обманывать близких – плохо, и она прекрасно это знала.

– Саша, умоляю тебя, о каком еще деле идет речь? – с неудовольствием промолвила Амалия. – Двадцать лет прошло! Что мадемуазель Делорм может сделать? Ну, поговорит со следователями, прочтает с моей помощью протоколы дела, если их вообще ей выдадут, съездит на место, посмотрит на овраг, где нашли тело ее матери... Понимаешь, из-за того, что его обнаружили на моей земле... Хорошо, на земле, которая принадлежала моему деду, генералу Тамарину, – если я откажусь ей помогать, это будет выглядеть...

– Подозрительно? Перестань!

– Не подозрительно, а так, словно моей семье есть что скрывать. И потом, мало ли что ей могут наговорить о нас в мое отсутствие? Лучше уж я буду рядом...

Но Александр был вовсе не так прост и уж, во всяком случае, не принадлежал к людям, которых легко провести. Интуитивно он чувствовал, что эта драма, которую сам он считал грязной и недостойной, чем-то поразила воображение его супруги. Еще бы – нечасто все-таки любовный треугольник заканчивается убийством, да еще таким, где об истинном виновнике приходится только гадать. И еще у него мелькнула мысль, что если бы жена была увлечена его делами, она бы и думать не стала о какой-то чужестранной мамзели, притащившей к ее порогу ворох своих проблем.

– Хорошо, поступай как знаешь, – промолвил Александр после паузы. – Я только надеюсь на твое благоразумие. Как дела у Миши?

И они заговорили о сыне, который в это время сладко спал у себя в детской, и говорили долго, так что в это утро Амалии не представилось случая упомянуть о доме на Английской набережной, который ей приглянулся.

«Ничего, съезжу туда сама и все осматрю, – подумала она, когда Александр уехал на службу во дворец. – Свой дом – это все-таки не то же самое, что квартира, где ты зависишь от других жильцов. Кому-то нравится играть на пианино, в то время как твоему ребенку надо спать, он просыпается, плачет, ты начинаешь сердиться, отправляешься к соседям выяснять отношения, слышишь в ответ, что от хорошей музыки ребенок плакать не может и тому подобный вздор... Одно это начинает выводить из себя, я уж не говорю о более серьезных конфликтах. В отдельном доме, по крайней мере, такого не будет...»

Она отправилась за дядей, и вдвоем они поехали осматривать особняк.

В одиночку, как вы догадываетесь, молодой замужней женщине заниматься этим было бы не слишком прилично.

Бывают ладно скроенные люди – и точно такие же бывают дома. Особняк понравился Амалии сразу же, окончательно и бесповоротно. Он был двухэтажный, большой, но не громоздкий, и располагался крайне удачно. Кто-то из предыдущих хозяев выкрасил дом в темно-розовый цвет, оставив колонны белыми, и это сочетание белого и почти малинового пленило нашу героиню. В саду росли именно те деревья и кусты, которые она любила, причем росли именно там, где надо было. Они не заслоняли вид из окон комнаты, которую она мысленно предназначила для себя, и не цеплялись ветвями за одежду, как назойливые нищие попрошайки.

– Что скажешь, дядя? – спросила Амалия, наконец обратив внимание на то, что дядюшка ведет себя непривычно тихо.

– Хороший дом! – благоговейно промолвил Казимир.

Тут, пожалуй, уместно будет сказать, что Казимир и его сестра лишились родителей в юном возрасте и скитались по опекунам, которые в конце концов присвоили все их состояние, так что можно сказать, что своего дома у Казимира давно не было; но, очевидно, стремление иметь нечто подобное оставалось. И пусть это будет не совсем свой дом, то есть не родовое имение, где жили и умирали поколения предков, но – черт возьми!

Амалия задумалась. С одной стороны, ясно, что для такого особняка жильцов найти не просто и, стало быть, она может не спешить; с другой стороны, если он понравился ей, то вполне может понравиться кому-нибудь еще, и если она будет медлить, то не исключено, что вообще его лишится. Вообще иметь свой собственный (пусть и съемный) дом было настолько соблазнительно, настолько заманчиво, что Амалия решилась.

– Я хочу сделать сюрприз Саше, – сказала она. – Но без его согласия я не могу ничего подписывать, поэтому сделаем так: формально ты снимешь особняк на свое имя. Хорошо?

– А мне тут будет предоставлен уголок? – спросил Казимир с беспокойством.

– Дядя! Неужели Невский тебе больше не по душе?

– Квартира – это квартира, а дом – это дом, – парировал Казимирчик. – Да еще на Английской набережной! Господи боже мой, наконец-то я почувствую себя человеком...

Амалия ограничилась тем, что приподняла тонкие брови. Как уже говорилось выше, она не одобряла дядюшку – возможно, потому, что на самом деле плохо его знала.

– Вы никого не сможете сюда водить, – сказала она внушительно. – Никаких карт, компаний, случайных знакомых... И никаких женщин.

Она была уверена, что при этих словах дядюшка переменится в лице, и весьма чувствительно переменится; но воодушевленный перспективой иметь собственный дом, Казимирчик даже бровью не повел.

– Ну что ж, без женщин еще никто не умер, – объявил этот бессердечный эгоист, пожимая плечами. – Можно мне комнату с видом на Неву? Я хочу видеть, как по реке идут корабли...

По правде говоря, Амалия предпочла бы поселиться в новом доме только с мужем и маленьким сыном, и ее вполне устроило бы, если бы дядюшка и мать продолжали жить на Невском проспекте; но так как именно Казимир должен был заключать вместо нее договор, она понимала, что руки у нее связаны.

«Впрочем, он все равно долго не продержится... Такие, как он, никогда не смогут довольствоваться в жизни одним видом из окна!»

«Господи боже мой, – думал тем временем воодушевленный Казимирчик, – до чего же мне повезло с племянницей! Всегда выбирает только самое лучшее, будь то муж или, допустим, особняк... Есть, есть у нее голова на плечах! Пусть даже временами ее заносит – ничего, это от молодости, это скоро пройдет...»

И когда пришла его очередь расписываться под договором об аренде, он так залихватски поставил свою подпись, что хвост ее, развернувшись наподобие павлиньего, занял едва ли не половину листа.

Глава 4. Ссора

– Прости, но я не вижу смысла переезжать куда-то, – сказал Александр вечером, когда Амалия, улучив момент, стала наводить разговор на интересующую ее тему. – Про особняк Платовых я слышал, но не хочу даже обсуждать эту тему.

– Но почему, Саша? Такой хороший дом, и место прекрасное...

– Амалия, ты просто поразительная женщина, – вздохнул барон Корф. – Ты хоть понимаешь, что я знаю Платовых и что мой командир – их дальний родственник? Что они будут думать обо мне, если узнают, что я воспользовался их несчастьем...

– Каким еще несчастьем? Ты имеешь в виду, что отец семейства спустил в карты все свое состояние и именно поэтому им пришлось уехать оттуда?

Она заметила, что Александра покорила такая прямолинейность, и посмотрела ему в глаза своим неотразимым (как она знала) взглядом. В глазах ее танцевали золотистые озорные искорки, и Амалия с удовольствием убедилась, что супруг немного растерялся.

– Ну, если тебе угодно так выразиться...

– Мне вообще угодно называть вещи своими именами, – поддразнила его Амалия. – И никакое это не несчастье, Платов просто осел...

– Амалия!

– Несчастье – это когда на тебя обрушивается удар судьбы, когда кто-то заболел или умер. А когда ты сам создаешь себе проблемы, это уже не несчастье, это глупость. В любом случае я не понимаю, почему мы не можем перебраться в этот особняк...

– Потому что это будет бестактно и люди плохо это воспримут, – уже сердито сказал Александр.

– Какие люди?

– Приличные люди. Чьим мнением мы обязаны дорожить.

– Саша, но это же вздор! Почему я не могу переселиться в отличный дом, если мне этого хочется? И у тебя там будет свой личный кабинет...

– Мне не нужен кабинет, я прекрасно могу обойтись и без него.

– Хорошо, тебе не нужен кабинет, но для Миши будет лучше, если мы будем жить в отдельном доме! Там есть сад...

– Он может ходить в любой из садов Петербурга, когда подрастет. Амалия, ну ей-богу...

– И его не будут будить гаммы, которые играет эта длинноносая Оттилия Эвальдовна с третьего этажа, – увлеченно продолжала Амалия. – Саша! Подумай сам в конце концов... В прошлом году сын капитана, который живет напротив, болел корью. В доме куча жильцов с детьми, и кто знает, какую заразу они могут к нам притащить...

– У тебя слишком живое воображение, – проворчал Александр. – Так или иначе, мое решение неизменно: я никуда отсюда не уеду. Эта квартира вполне меня устраивает, и точка. Что касается дома, то я бы понял тебя, если бы речь шла о даче на лето, где можно дышать свежим воздухом...

– Саша, тебе же прекрасно известно, что я думаю о дачах! Там нет ничего, кроме комаров...

– И тем не менее я предлагал тебе снять дачу, если хочешь.

– Зачем мне дача?

– А зачем другие люди летом покидают Петербург и перебираются на дачи?

– Может быть, им нравится, когда их кусают комары? Саша, я же совсем не о даче говорю! Нам нужен свой дом, где бы мы ни от кого не зависели...

– Возможно. Но бывший особняк Платовых нашим домом не будет, потому что я так решил.

Раздосадованная Амалия поняла, что супруг не уступит, и решила зайти с другой стороны.

– Я уже сняла особняк от имени дяди Казимира, – сказала она. – Так что переехать нам все-таки придется.

– Ты сняла дом, не посоветовавшись со мной? – спросил Александр после паузы.

Тон у него был такой, словно ему нанесли смертельное оскорбление. Не понимая, в чем дело, Амалия начала сердиться.

– Да! Я попросила дядю... Дом прекрасный, всем нам будет в нем удобно, другого такого случая можно ждать очень долго, и потом, Английская набережная – это Английская набережная! Я не хочу больше слушать музыкальные гаммы, ссориться с Оттилией, не хочу видеть пьяную физиономию этого капитана на лестнице и заплаканное лицо его жены...

– Ни на какую Английскую набережную мы не переедем, – тихо, но внятно промолвил Александр, и на его виске дернулась жилка.

– Но почему?

– Я тебе уже все объяснил. Ты поставила меня в крайне неловкое положение!

– Положение – чем же? Что я думаю о нас? Что я думаю о Мише?

На другое утро Амалия, рассерженная сверх меры, приехала к матери на Невский проспект – изливать душу. Александр категорически отказался переезжать на Английскую набережную и даже потребовал, чтобы она расторгла договор.

– Все из-за этих Платовых, чтоб им пусто было! – восклицала Амалия, расхаживая по комнате и жестикулируя куда выразительнее, чем обычно. – Условности! Светские условности! Я, видите ли, эгоистка...

– Дело вовсе не в Платовых, – отмахнулась Аделаида Станиславовна. – Ты поставила его перед фактом.

– Что ты хочешь сказать?

– Ты приняла решение без него, вот он и обиделся.

Амалия надулась. Она была самолюбива и тяжело переживала свое поражение – тем более что уж от кого от кого, а от Александра она никак не ожидала такой каверзы.

– Вам придется пока пожить на Английской набережной без нас, – сказала она, садясь на диван. – Мы, конечно, переедем, как только я сумею переубедить Сашу.

Аделаида Станиславовна поняла, что дочь рассчитывает добиться своего если не сейчас, то позже. Но она хорошо знала зятя и не сомневалась, что он будет стоять на своем до последнего.

– Вся эта история, – добавила Амалия в сердцах, – не стоит и выеденного яйца!

Видя, как дочь расстроена, Аделаида решила перевести разговор на другую тему.

– Кстати, та девушка обещала зайти сегодня, – сказала она. – Дочь Луизы Леман.

– Скажи, а папа правда дрался на дуэли с ее отцом? – задала Амалия вопрос, который не давал ей покоя с позавчерашнего дня.

Аделаида Станиславовна усмехнулась.

– Да, и даже больше скажу: Константин хотел его убить. Но во время дуэли появилась Луиза. Мокроусов выстрелил первым и промахнулся. Твой отец не промахнулся бы, но Луиза кинулась на колени, стала ползать по траве, умолять его... Секунданты пытались оттащить ее, но она совершенно обезумела. Тогда твой отец, чтобы успокоить ее, выстрелил в воздух. Дальше началось самое интересное: Мокроусов стал утверждать, что Константин выстрелил не по правилам, что Луиза ему помешала. Сергей Петрович настаивал, что Константин не использовал свой выстрел, понимаешь? Он говорил это и не обращал никакого внимания на Луизу, которая рыдала возле него, заламывая руки... А когда наконец соблаговолил ее заметить, то бросил ей только: «Прекратите рыдать, вы смешны». Вот и все, что у него нашлось сказать для женщины, которая спасла ему жизнь.

Амалия задумалась. Выражения ее лица мать не понимала.

– Если Мокроусов убил Луизу, – промолвила наконец баронесса фон Корф, качая головой, – тогда получается, что зря она тогда вступилась за него... Она действительно так его любила?

– Все зависит от того, что понимать под словом «любовь», – ответила Аделаида Станиславовна с расстановкой. – Если состояние, при котором все помыслы и чувства сосредоточены на одном человеке, то да.

– Ну, в общем, это и есть любовь, – подумав, призналась Амалия. – Разве нет?

– Я неудачно выразилась, – вздохнула Аделаида Станиславовна. – Любовь – это как удар молнии, во всяком случае, так должно быть... А Сергей Петрович очень ловко направлял чувства Луизы. Он играл с ней, понимаешь? То демонстрировал ей свое охлаждение, то, напротив, показывал свою привязанность, если она поступала так, как ему хотелось... И все ее чувства сосредоточились на нем, потому что она никак не могла завоевать его до конца. Он то скверно обращался с ней и даже не скрывал этого, то осыпал подарками, которые мало кто в губернии мог себе позволить. Сегодня срывал на ней дурное настроение, а завтра как ни в чем не бывало приводил ее на бал в таких бриллиантах, что все дамы умирали от зависти. Понимаешь, о чем я?

– Почему она его не бросила? – спросила Амалия.

– Она пыталась несколько раз. Но как только он понимал, что она вот-вот ускользнет от него, он возвращал ее обратно. Клялся в верности, а потом с легкостью нарушал свои клятвы.

– Скажи, а какое впечатление он производил на тебя?

– Ну, – протянула Аделаида Станиславовна, – Сергей Петрович из тех людей, про которых сначала думаешь: «Какой приятный человек», а через некоторое время, когда узнаешь его поближе: «Ну и мерзавец же он». Потом он делает что-то такое, после чего о нем опять начинаешь думать как о приличном человеке... А потом он снова тебя разочаровывает, и в какой-то момент уже перестаешь воспринимать его в положительном смысле. Он был очень красив и очень богат, единственный сын в семье, и, по-моему, все эти качества повлияли на него только в дурную сторону. Ему все позволялось и все прощалось, а вседозволенность, что бы там ни говорили, очень плохо влияет на характер. Женщины были от него без ума...

– А ты?

– А что я? – Аделаида Станиславовна вздернула брови. – У меня был муж и двое детей, если ты забыла...

– Это не ответ.

– Ну если уж тебя интересуют подробности, то пожалуйста! Твоя мать никогда не была дурнушкой, а уж среди дам Полтавской губернии и подавно. Скажу без ложной скромности: многие мужчины были не прочь поухаживать за мной, но дальше танцев и флирта дело не заходило. И даже если бы я была настолько опрометчива, чтобы отважиться на роман, Сергей Петрович стал бы последним на него кандидатом.

– Почему, скажи на милость? Раз уж он красавец богач, и женщины были от него без ума?..

– Потому что самые большие ошибки в жизни совершаются, когда ты обращаешь слишком много внимания на внешние признаки и не думаешь о том, что еще есть у человека, кроме них. Конечно, у Сергея Петровича имелось все, о чем обычно мечтают люди, – молодость, красота, богатство, но ведь на самом-то деле мечтают обычно о чепухе, а по-настоящему важно совсем другое. У него не было ни доброты, ни снисхождения к ближним, ни милосердия, зато высокомерия и желания играть другими – сколько угодно. Луиза Леман вбила себе в голову, что она сумеет его переделать и однажды он образумится, остепенится, они поженятся и проживут спокойной жизнью. Понимаешь ли, – добавила Аделаида, сверкнув глазами, – она мечтала жить с ним, как мы с Костей. Дом, семья, дети, мирные хлопоты. Но она забыла – или не хотела

видеть, – что есть люди, с которыми это осуществимо, а другим ничего такого не надо. Среди деревьев тоже есть здоровые и есть гнилые, но никто ведь не пытается гнилое дерево переделывать, потому что это безнадежно...

– А ты жестока, – заметила Амалия с улыбкой. – Судя по твоим словам, ты хорошо знала Луизу Леман?

– Я ее знала, о каких-то вещах она говорила со мной довольно откровенно, но меня не интересовали ее заботы, и подругами мы не были. В молодости она пыталась выступать в театре, стать знаменитой актрисой, но у нее ничего не вышло. Семья, по-моему, плохо понимала ее устремления. Их вполне устроило бы, если бы она вышла замуж за какого-нибудь мелкого буржуа и заправляла в лавке... Сергей Петрович, конечно, произвел на нее впечатление. Еще бы – такой блестящий кавалер, не женатый и с деньгами! Она решила, что это ее шанс и она своего не упустит. В результате она оказалась в стране, которую плохо понимала, с человеком, который играл с ней как кошка с мышью, а в конце концов ее убили.

– Вот мы и подошли к главному вопросу, – сказала Амалия. – Кто это сделал и почему? Мы не говорим сейчас об официальном следствии, не говорим о Егоре Домолежанке, который взял на себя чужую вину...

– Полагаю, я могу рассказать тебе все, что помню, – сказала Аделаида Станиславовна. – Другое дело, что мне известно не так уж много. Эту историю обсуждали в обществе на все лады, перемывали косточки ее участникам и так, и эдак, но все равно не удалось точно установить, кто именно убил Луизу Леман. Многие были против Сергея Петровича, но, как я уже говорила, мне трудно представить, чтобы у него хватило духу зарезать женщину, которая его любила. Надежда Кочубей – другое дело. Она ненавидела Луизу, угрожала ей, и, если они поссорились, один бог ведает, что могло там произойти.

– Давай все-таки начнем с того, с чего обычно начинаются все детективные романы, – попросила Амалия. – С обнаружения тела. Как именно это произошло?

Глава 5. 1864

– Я вернусь сегодня вечером, – сказал Константин Тамарин своей жене Аделаиде. – К ужину буду дома, так что ты даже не успеешь соскучиться.

Он говорил и улыбался своей открытой улыбкой, которая придавала его простому лицу особенно привлекательное выражение. Волосы и усы у него были русые, глаза серые и до сих пор, когда он смотрел на свою жену, влюбленные. Люди, которые сталкивались с Константином впервые, довольно скоро составляли о нем мнение как о добродушном малом, который звезд с неба не хватает, но это впечатление если и соответствовало истине, то только отчасти. Он мог быть упрямым, мог быть жестким и, если того требовали обстоятельства, даже жестоким; но Константин остерегался показывать эту свою сторону людям, которыми дорожил, а своей женой он очень дорожил, особенно теперь, когда в семье было двое детей. Старший, названный в честь отца, походил на него как две капли воды, зато младшая, Амалия, больше напоминала мать, и все уверяли, что, когда девочка вырастет, она станет такой же красавицей, как Аделаида Станиславовна. «И такой же вертихвосткой», – обыкновенно прибавлял генерал Тамарин, отец Константина, но только слепой не заметил бы, что генерал обожает и внуку, и внука. Старый военный, известный своим крутым нравом, вынужден был несколько лет назад уйти в отставку и теперь доживал свой век в усадьбе, где, помимо него, жили сын с семьей и два десятка слуг. Сейчас Константин собирался ехать в Полтаву – купить игрушек Костемладшему и Амалии, которая уже изгрызла все свои погремушки. Он мог бы послать в город кого-нибудь из слуг, к примеру, старого преданного Якова, но предпочитал отправиться туда сам, справедливо полагая, что никто не выберет игрушки лучше, чем он сам; и вообще есть вещи, которые никто не сделает лучше, чем близкие люди.

– Я всегда скучаю, когда тебя нет рядом, – сказала Аделаида, улыбаясь. – Да, кстати: Казимир просил подвезти его к Кочубеям, если тебе несложно.

– Что-то Казимир слишком часто стал к ним навещать, – заметил Константин с улыбкой. – Уж не из-за Оленьки ли?

Оленька Кочубей была сестрой Виктора Кочубея и жила в соседней усадьбе с братом и его женой. Она считалась завидной партией, так как принадлежала к младшей ветви семьи, которая владела значительной частью земель в округе и задавала тон в губернии; но сама семья была большая, разветвленная и недружная, раздираемая внутренними противоречиями и ссорами из-за имущества. Отец Оленьки был несколько раз женат, и от каждого из браков у него имелись дети. Его братья, родные и двоюродные, больше занимались карьерой, нежели личной жизнью, и смотрели на него свысока, что тоже не способствовало улучшению отношений. Несколько лет назад он вместе с женой выехал на лечение за границу, да так там и остался. Старый князь не приехал даже на свадьбу своего сына Виктора, которую, как утверждали злые языки, устроили тетки жениха и семья невесты.

Аделаида подозревала, что ее брат ездит к Кочубеям главным образом из-за того, что у них на стол подавалось бесподобное вино, а практичная Оленька, хоть и благосклонно внимает комплиентам Казимира, в глубине души считает, что он ей вовсе не пара; но разъяснение всех этих нюансов повлекло бы за собой долгий и, в общем, ненужный разговор, так что жена Константина ограничилась тем, что сказала:

– Главное, чтобы он ездил туда не из-за Надьин!

Так на французский манер величали жену Виктора, Надежду. Всем было известно, что она изменяет мужу с красавцем соседом Мокроусовым, у которого и без нее хватало любовниц, и сплетни об этом занимали окрестных помещиков куда больше, чем даже разговоры о недавних реформах, предпринятых царем.

Услышав слова жены, Константин улыбнулся и покачал головой. Он жалел Виктора, которого знал с детства, и поведение его жены корбило молодого человека. Повторив, что вернется к ужину, он поцеловал Аделаиду на прощание и удалился.

Стоя у окна, она проводила взглядом коляску, которая выехала за ворота. Аделаида не любила расставаться с близкими людьми: в таких случаях ее мучил необъяснимый подспудный страх, что тот, кто уезжает, может по какой-нибудь причине не вернуться обратно живым и она видит его сейчас в последний раз, – но она никому не любила признаваться в этой фобии, даже себе самой.

«В конце концов, что может случиться на дороге в это время года? Съездит и вернется...»

Июльское солнце залило окрестности расплавленным золотом, еще час или два – и будет тяжело дышать. Из окна Аделаида видела дорогу, которая петляла среди холмов и терялась в лесу. Вот коляска последний раз поднялась на холм – и, спустившись с него, окончательно скрылась из виду.

До обеда Аделаида еще нашла чем себя занять – заглянула в детскую, почитала вслух маленькому Косте, посидела с Амалией, – но уже во время обеда, когда за столом сидели только она и генерал Тамарин, она стала поглядывать на часы, мысленно желая, чтобы поскорее наступил вечер. Отец Константина был человеком, которого до отставки не могли сломить никакие жизненные горести – даже то, что он похоронил жену и четырех детей из пяти; но как только его выставили из армии, он стремительно поседел, весь как-то ссохся и перенес небольшой удар, из-за которого теперь приволакивал левую ногу и ходил с тростью. За окнами почернело, старые сирени зашумели, качаясь: приближалась гроза. Слуга Яков, немолодой, очень прямой и очень худой, бесшумно пробежал вдоль окон, затворяя ставни, чтобы от порывов ветра не разбились стекла.

– Пожалуйте дождичек, – иронически промолвил генерал, глядя, как ливень снаружи стал сплошной белой стеной, за которой пропали контуры сада, флигелей, дороги, стогов, леса вдали. – Что вздыхаешь, Лида?

Аделаида уже отчаялась объяснить упрямому генералу, что она вовсе не «Лида». Свекор, похоже, находил удовольствие в том, чтобы переименовать ее затейливое имя на свой манер. Она поджала губы и с достоинством ответила:

– Я думаю о Косте... Он ведь как раз может сейчас возвращаться домой.

– Пфф... ну он не из таковских, что испугаются дождичка, – хладнокровно ответил генерал. – Подожди, приедет сейчас, мокрый как мышь... И с горой подарков.

Он улыбался, и Аделаида, заметив эту улыбку, невольно насторожилась. Не сразу до нее дошло, что она думала – и говорила – только о муже, хотя Казимирчик тоже пропадал где-то вне дома и о нем, по совести говоря, тоже можно было бы побеспокоиться; но почему-то она и мысли не допускала, что с ее непутевым братцем может что-нибудь случиться, и все ее страхи касались только Константина.

– Лучше бы он никуда сегодня не выезжал! – вырвалось у нее.

– Ну так утром никто предположить не мог, что через несколько часов начнется вот такое, – проворчал генерал. – Не волнуйся, скоро он вернется, куда ему деваться...

Но часы пробили шесть часов и семь, и ливень давно стих, а знакомая коляска так и не появилась на дороге, петляющей между холмов. Аделаида металась от окна к окну, не находя себе места. Наконец вдали показался одинокий экипаж и, когда он приблизился, стало ясно, что это один из экипажей Кочубеев. Из него вышел необыкновенно мрачный Казимир, и, увидев его лицо, Аделаида вся похолодела, предчувствуя нечто ужасное.

– Что произошло? – набросилась она на брата. – Почему тебя так долго не было? Ты же обещал скоро вернуться... И ты не знаешь, где Константин?

– Он у Кочубеев, – ответил Казимир. – Его допрашивает следователь. Произошло убийство, Константин нашел труп.

По дороге сюда он прикидывал и так и этак варианты того, как бы осторожнее сообщить впечатлительной сестре неприятную новость; но хватило одного взгляда на ее искаженное ужасом лицо, чтобы забыть осторожность, забыть вообще все на свете и вывалить все так, одним махом.

– Убийство! Слава богу! – вырвалось у Аделаиды. – То есть, – поправилась она, – я хочу сказать, когда снаружи бушевала эта жуткая гроза, мне в голову лезло всякое... Я уж боялась, что с Костей что-то случилось! А кого убили?

– Любовницу Мокроусова, – ответил Казимир. – Луизу Леман.

– О... о... о! – Аделаида вытаращила глаза. – Боже мой! Я же видела ее... Когда? Позавчера у Оленьки Кочубей?

– Можешь не напоминать, – поморщился Казимир. – Я ее тоже там видел.

Аделаида услышала стук трости по ступеням – и, обернувшись, встретила взглядом со свекром, который только что спустился по лестнице.

– Лида, в чем дело? – недовольно спросил генерал.

– Луизу Леман убили! Костя нашел ее труп...

– Костя? Вздор какой-то. – Генерал нахмурился. – Где он мог его найти, если уехал в Полтаву? На дороге, что ли?

Тут Казимир почувствовал, что настало его время вмешаться.

– Идемте, я вам все расскажу. Только дайте мне чего-нибудь выпить, а то я от всего этого сам не свой.

Генерал, его невестка и Казимир перешли в столовую, куда Яков вскоре принес бутылку черносмородиновой наливки. Выпив стаканчик для освежения памяти и закусив холодным пирогом, Казимир начал свой рассказ.

Итак, они ехали через лес к усадьбе Кочубеев, на козлах сидел кучер Поликарп, и тут все трое заметили женскую расшитую шаль, которая висела на нижней ветке дерева. Шаль эта была Константину Тамарину и его спутнику хорошо знакома, потому что всего два дня назад они видели ее на Луизе Леман и знали, что это подарок Мокроусова, которым она очень дорожит.

Константин велел Поликарпу остановиться, вылез из коляски и снял шаль с дерева. При ближайшем рассмотрении на шали обнаружились какие-то темные пятна, похожие на кровь.

– Может быть, она опять поссорилась с Мокроусовым? – предположил Тамарин, озадаченно морща лоб. – Но зачем ей убегать в лес... И откуда здесь эти пятна? Уж не случилось ли с ней чего?

– Усадьба Мокроусова в другой стороне, – напомнил Казимир. – А тут поблизости только ваша усадьба и имение Кочубеев.

– Да, но эта часть леса принадлежит нам, – заметил Константин. – Земля Кочубеев начинается за большим оврагом. – Он набрал воздуха в грудь и громко крикнул: – Мадемуазель Леман! Мадемуазель, если вы нас слышите, отзовитесь!

Но никто не отозвался, только вдали в лесу глухо подавала голос кукушка, да на верхушке старой сосны дятел стучал клювом, не обращая на людей никакого внимания.

– Пойдемте поищем ее, – сказал Тамарин. – Честно говоря, не нравится мне все это.

Тут Казимир сделал в рассказе паузу, чтобы хлебнуть еще наливки.

– Ну-с, а что же было дальше? – не вытерпел генерал.

– Мы стали осматривать лес возле того места, где нашли шаль, – сказал Казимир. – Честно говоря, я уж начал опасаться, не провалилась ли мадемуазель Леман в болото. Вы ведь помните, что в глубине леса находится топь, про которую местные крестьяне рассказывают всякие ужасы... Но все оказалось совсем иначе. Мы дошли до оврага, я шагнул следом за Константином, и он первый заметил на дне оврага цветное пятно. Помните, у нее было темно-синее платье, выписанное из Парижа? – Аделаида кивнула, не сводя с него испуганных глаз. – Вот в этом платье она и лежала, уткнувшись лицом в землю и раскинув руки. Так мы ее и нашли.

– Что было потом? – тихо спросила Аделаида.

– Признаться, я совершенно растерялся. Константин, по-моему, тоже... Он спустился в овраг, перевернул тело, сказал, что надо вызвать врача. Я ответил, что это бесполезно. Ясно же, мадемуазель Леман мертва. Он возразил, что врач в любом случае должен будет констатировать смерть. Кроме того, раз уж мы нашли тело, нам придется отвечать на вопросы... И очевидно, что его поездка в Полтаву и моя в гости к Кочубеям отменяется. Произошло убийство, это точно не несчастный случай...

– Убийство на моей земле? – Генерал стиснул челюсти, желваки на его скулах ходили ходуном. – Кто же осмелился?..

– Нет-нет, – замахал руками Казимир. – Ее зарезали, нанесли несколько ударов кинжалом, но вокруг на земле и листьях крови не было. Когда приехал молодой доктор Гостинцев, он подтвердил: мадемуазель Леман убили где-то в другом месте, а тело потом перевезли сюда.

– Зачем? – не выдержала Аделаида.

– Чтобы скрыть следы преступления, конечно, – ответил Казимир. – Можно мне еще наливки?

Он прикончил еще один стакан так молодецки, что генерал только крикнул и поглядел на Казимира с невольным уважением, хотя обычно не слишком его жаловал.

– Константин сказал, что будет лучше, если один из нас останется на месте, а другой отправится за подмогой. На мадемуазель Леман было несколько золотых колец, мало ли кто мог на них позариться... Я очень не хотел там оставаться, но мне пришлось. Он уехал. Вороны орали у меня над головой... – Казимирчик содрогнулся. – Одна, особенно наглая, спустилась поближе к телу и нацелилась его клевать, пришлось мне ее отгонять. Ей-богу, я приятнее думал провести этот день, чем отгоняя ворон от убитой женщины... К счастью, Константин быстро вернулся и привез доктора со станковым, а потом появились остальные... Староста, понятые, всякие любопытные... Приехал Виктор Кочубей, который чуть не упал в обморок при виде тела. Потом явился следователь по фамилии Курсин, начал ворчать, зачем мы трогали убитую. Мы хотели вернуться домой, но он пообещал, что осмотрит место преступления, поговорит с нами и отпустит, а до тех пор нам лучше не отлучаться. Вскоре хлынул ливень, и Виктор предложил перебраться к нему в дом. Там следователь учинил нам с Константином подробнейший допрос: куда мы ехали, да как нашли тело, да почему стали искать его в овраге, да насколько хорошо мы знали Луизу Леман, да что мы обо всем думаем и кто мог ее убить... Тут примчался Сергей Петрович, которому рассказали, что Луизу нашли мертвой. Бледный как смерть, весь трясется, кричит: «Где она?» да «Отдайте мне ее»...

Генерал покрутил головой и фыркнул.

– Вот эта фраза – очень на него похоже, – негромко заметил он. – Весь Сергей Петрович в ней как в зеркале.

– Луизу привезли из леса на подводе, даже рогожей не прикрыли, – мрачно сказал Казимир. – Подвода стояла во дворе, под дождем... Она лежала там, вся мокрая. Вы никогда не угадаете, что Сергей Петрович сделал... Он бросился к ней, обнял ее, мертвую, и разрыдался. Потом вернулся в дом, подошел к следователю и стал хрипло говорить, что тот обязан найти убийцу и покарать его... – Казимирчик поежился. – Но я, знаете ли, стоял около следователя, когда Сергей Петрович безумствовал там, во дворе, и обнимал убитую под струями дождя... И мне до сих пор не по себе, когда я вспоминаю выражение его лица.

– Чье? – переспросила Аделаида.

– Следователя, конечно. Такое, знаете ли, выражение... Даже не знаю, как описать... Ну вот, например, как если бы плохой актер играл на сцене и переигрывал, а напротив него опытный критик, который в своем деле собаку съел, и его на эти драматические завывания не купишь.

– Ты это к чему клонишь-то? – хмуро спросил генерал. – Что это Сергей Петрович ее убил, так, что ли? Да он в любой момент мог от нее избавиться, просто выставив за дверь. Нет, я, конечно, не спору, он вовсе не ангел с крыльями, но убивать свою женщину – на такое он не способен!

Глава 6. Двадцать лет тому назад

У Аделаиды создалось впечатление, что Казимир был готов возразить, но тут она увидела за окном подъезжающую к дому коляску и, забыв обо всем, метнулась прочь из комнаты. Поликарп, как и утром, степенно восседал на козлах, а в самой коляске обнаружились двое: хмурый Константин с морщинкой, залегшей между бровей, и незнакомый господин – седой, востроносый, морщинистый, с небольшими рыжеватыми бакенбардами.

– Меркурий Федорович Курсин, – отрекомендовался он, едва переступив порог, – судебный следователь. – Константин нехотя представил свою жену. – Весьма сожалею, – продолжал гость, – что нам приходится, так сказать, знакомиться при столь печальных обстоятельствах...

– Полагаю, что при нынешних обстоятельствах знакомства нам никак не избежать, – подхватила Аделаида, ослепительно улыбнувшись. Она была так рада снова видеть мужа, что улыбнулась бы кому угодно, кто привез его домой. – Вы, наверное, собираетесь... как это... допросить меня?

Меркурий Федорович был готов к тому, что хозяйева сошлется на позднее время, наметнут ему, чтобы он приехал в другой раз, и тон Аделаиды его весьма озадачил. В сущности, он и так узнал более чем достаточно, от Константина Тамарина и его спутника, но женщина всегда может сказать о другой женщине что-то, чего не заметит ни один мужчина, и следователь решил рискнуть.

– Сударыня, это нельзя назвать допросом, – сказал он серьезно, изучая стоящую перед ним красивую молодую даму своими глубоко посаженными серыми глазами. – Допрашивают преступников или свидетелей, а я всего лишь обязан собрать сведения.

Константин нахмурился. По своему разговору со следователем Тамарин уже составил впечатление о нем как о неглупом, въедливом и – будем откровенны – не слишком приятном человеке. Вряд ли общение с ним могло прийти Аделаиде по вкусу.

– Моей жене ничего не известно, – резче, чем ему хотелось бы, промолвил Константин.

– Но ведь вы знали жертву? – промолвил Курсин чрезвычайно доброжелательным тоном, обращаясь к Аделаиде.

– Разумеется.

– А труп обнаружили на вашей земле, – вполголоса напомнил следователь Тамарину, чтобы отбить у него всякое желание вмешиваться. – О, конечно, это вовсе не значит, что вы или ваши домочадцы имеете отношение к убийству, но вы же сами понимаете...

– Я бы хотел присутствовать при беседе, – сказал Константин после паузы, кусая губы.

– Уверяю вас, это вовсе не обязательно, – серьезно ответил Меркурий Федорович. – Тем более что речь пойдет вовсе не о преступлении.

– А о чем же?

– О личности убитой.

– На эту тему, милостивый государь, вас куда лучше просветит Сергей Петрович Мокроусов, – усмехнулся Константин. – Почему бы вам не допросить его в самом деле? Ведь мадемуазель Леман жила именно в его доме.

– Всему свое время, – глубокомысленно ответил следователь, – верьте мне, всему свое время!

Константин с тревогой взглянул на жену, и та ответила ему взглядом, который словно говорил: не бойся, со мной ничего не случится, я ни капли не боюсь этого проныру с лисьей физиономией и рыжими бакенбардами. Но ощущение, что в их дом из-за лежащего в овраге тела вползло что-то гадкое, грязное и мерзкое, было настолько мучительным, что только полученное прекрасное воспитание и сила воли удержали Тамарина от того, чтобы сей же час не выкинуть незваного гостя в окно.

– Это необходимо? – мрачно спросил молодой человек.

– Боюсь, что да, – последовал ответ.

Константин поцеловал жену и, недобрыми глазами посмотрев на следователя, двинулся к лестнице.

– Костя, не забудь поужинать! – опомнившись, крикнула Аделаида ему вслед. – Скажи Якову, он распорядится...

Она пригласила следователя в небольшую гостиную, за окнами которой росли кусты сирени. На стене висел портрет печальной большеглазой женщины в старомодном желтом платье в черную полоску. Это была Нина Георгиевна, жена генерала Тамарина, которая умерла много лет назад.

Спросив для протокола сведения о собеседнице – имя, фамилию, отчество, возраст, вероисповедание, положение в обществе, – Меркурий Федорович перешел к сути дела:

– Скажите, сударыня, как давно вы знакомы с мадемуазель Леман?

Аделаида подняла брови.

– Как давно? Постойте-ка... Года три назад мы с мужем приезжали в усадьбу, и тогда я впервые ее увидела. Потом мы жили в Петербурге, но продолжали время от времени бывать здесь... В начале года мы перебрались в усадьбу, потому что генерал... отец Кости, не хотел оставаться один. Так получилось, что в это время я стала чаще общаться с Луизой. Она жила по соседству, круг общения в деревне небольшой... Ну, сами понимаете.

– Скажите, вы с ней дружили?

Меркурий Федорович заметил, что собеседница покосилась на него с откровенной иронией.

– Наверное, мне не следует так говорить, но вам я все же признаюсь, – усмехнулась Аделаида, разглаживая складку платья на колене. – У меня нет привычки дружить с женщинами. С Луизой это тем более было невозможно, потому что она стремилась всегда быть только первой, самой лучшей, самой яркой... Причем не для себя, а только для него.

– Вы имеете в виду Сергея Петровича Мокроусова?

– Именно. Быть первой можно только при условии, что все остальные согласятся на роль вторых, третьих... и так далее. Мне это было неинтересно. Сергей Петрович мне не нравился, но Луиза была уверена, что любая женщина не прочь его заполучить, да он и сам был убежден в собственной неотразимости. Когда же он понимал, что это вовсе не так, то выходил из себя. Однажды он наговорил мне дерзостей, и мой супруг вызвал его на дуэль.

– Да, я слышал об этой истории. Кажется, Луиза не дала вашему мужу выстрелить.

– Да, это случилось несколько месяцев назад. После этого мы с ней какое-то время не общались. А потом Сергей Петрович увлекся Надеждой Кочубей.

– А Виктор Кочубей мне заявил, что это сплетни.

– Неужели? – насмешливо протянула Аделаида. – Ну так я вам скажу кое-что – это вовсе не сплетни, а самые что ни на есть достоверные факты. Поскольку Надежда замужняя женщина, Сергей Петрович пытался скрыть свой роман с ней. Ему принадлежит большой кусок леса по ту сторону болота, и в этом лесу отец Мокроусова, большой оригинал, когда-то построил дом в виде небольшой башни. Отец уверял, что у него талант к сочинению стихов, а в усадьбе все ему только мешают, ну и построил для себя эту башню, чтобы запирается там и работать в одиночестве.

– И много он стихов написал? – с любопытством спросил следователь.

– О-о, – протянула Аделаида, сверкнув глазами, – когда он умер, его вдова заглянула в башню, куда ей раньше вход строго-настрого был воспрещен. Говорят, она нашла там несколько страниц, измаранных посредственными стихами, и бесчисленное количество пустых бутылок из-под водки и вина. Забыла вам сказать, что покойный Мокроусов был председателем местного общества трезвости...

Не удержавшись, Меркурий Федорович улыбнулся, но тут же поспешил напустить на себя серьезный вид.

– Однако какое отношение эта башня имеет к Сергею Петровичу Мокроусову и Надежде Кочубей?

– Они там встречались, – уверенно ответила Аделаида. – Уединенное место вдали от любопытных глаз, куда легко добраться и из усадьбы Кочубей, и из дома Мокроусова, – что может быть лучше? Но, конечно, они забыли, что в деревне всякий находится на виду. Кто-то заметил кого-то, и этого уже достаточно, чтобы пошли разговоры. И конечно, Луиза с ее обостренной ревностью недолго оставалась в неведении.

– Скажите, сударыня, вы уверены, что мадемуазель Леман знала об их романе, или же это ваши предположения?

– Никаких предположений, милостивый государь. Позавчера она сама сказала мне об этом.

– Позавчера?

– Да, на вечере у Ольги Кочубей. Она была очень взвинчена – я имею в виду не Ольгу, а...

– Я понял. Продолжайте.

– Луизе хотелось выговориться, к тому же она выпила больше обычного. Мы стояли на террасе, беседовали о самых обычных вещах, остальные находились в комнате, и тут на Луизу нашел приступ злословия. Она указала веером на Ольгу и сказала: «Вот самовар без ручек, который мечтает о любви, обеспеченной надежным капиталом», потом о Надежде: «Хитрая рыжая уродина, которая спит с моим Сержем», потом указала на Сергея Петровича: «Глупый павлин распустил хвост и рассыпается в любезностях» и под конец припечатала Виктора: «Ничтожество, дурак и рогоносец». «И все это я должна терпеть!» – добавила она со слезами на глазах...

– Скажите, сударыня, – чрезвычайно серьезно промолвил Меркурий Федорович, – вы абсолютно уверены, что она произнесла именно эти слова? Я имею в виду то, как она охарактеризовала своих знакомых...

– У меня хорошая память, – спокойно ответила Аделаида Станиславовна. – И я ничего не выдумываю, если вы об этом.

– Благодарю за откровенность. Разрешите задать вам еще один вопрос, сударыня? – Аделаида кивнула. – Скажите, что именно вы думаете о Надежде Кочубей?

– Вряд ли мои мысли будут вам интересны, – усмехнулась молодая женщина, не сводя с собеседника пристального взгляда. – Вы же только что были в их усадьбе и, значит, успели с ней пообщаться.

– Увы, нет, – отозвался следователь с сожалением. – Когда она узнала о случившемся, то упала в обморок, а потом почувствовала себя так плохо, что через горничную попросила меня явиться позже. Разумеется, в таких условиях я не мог настаивать...

– Упала в обморок? – изумилась Аделаида Станиславовна.

– Да, а вас что-то удивляет?

– С чего это ей падать в обморок? Она же ненавидела Луизу. Скорее уж Надежда должна была хохотать и плясать от радости... И потом, она вовсе не принадлежит к тем дамам, которые теряют сознание из-за чьих-то слов.

– Откуда вам известно, что она ненавидела Луизу?

– Это ни для кого не составляло тайны. Луиза однажды упала с лошади, и Надежда выразила разочарование, что та не сломала себе шею. Да были и другие случаи – горничная Кочубеев рассказывала нашей горничной, что Надежда предлагала Луизе большие деньги, если та согласится оставить Мокроусова и уехать в Париж. Кто-то говорил, что слышал, как Надежда угрожала Луизе после того, как та отказалась...

– Кто-то?

– Ну хорошо, это был мой брат. Они ссорились в беседке в саду Кочубеев, а он вышел покурить после партии в карты и слышал их разговор.

– Правда ли, что Надежда Кочубей в запальчивости произнесла следующие слова: «Зря ты думаешь, что он твой, достаточно мне только захотеть, и тебя тут больше не будет»?

Аделаида нахмурилась. Ну конечно, надо было сразу сообразить, что беспечный Казимирчик уже успел выболтать следователю все, что можно, и даже то, чего нельзя. Хотя, с другой стороны, Курсин далеко не глуп и рано или поздно все равно бы дознался, кто и как относился к Луизе и что именно ей говорил.

– Там были слова и посильнее, – объявила Аделаида Станиславовна, сверкнув глазами. – Если верить моему брату, Надежда сказала буквально следующее: «Если ты будешь мне мешать, то я тебя убью».

– Как по-вашему, – спросил Меркурий Федорович, тщательно подбирая слова, – Надежда Илларионовна говорила, так сказать, чтобы выразить свои... гм... эмоции, или же тут может быть что-то еще?

– Выражаясь проще, была ли это пустая угроза или она могла действительно убить соперницу? – Аделаида Станиславовна пожала плечами. – Не знаю. И, боюсь, подобное знание не доставило бы мне никакой радости.

– Вы производите на меня впечатление чрезвычайно здравомыслящей особы, сударыня, – заметил Курсин. Подергав бакенбарду, он все же отважился на следующий вопрос: – Скажите, если бы вам пришлось назвать наиболее вероятного кандидата на роль преступника... на кого бы вы подумали в первую очередь?

– Брат сказал мне, что на руках у Луизы остались золотые кольца, – проговорила Аделаида Станиславовна, поднимаясь с места. – Я помню, какие кольца она носила, Сергей Петрович не скупился на подарки. Если бы речь шла об ограблении, они бы исчезли, но этого не произошло – значит, тут замешано что-то личное. Что именно, нетрудно догадаться, но я не хочу никого обличать. А теперь прошу меня извинить, но я хотела бы вернуться к мужу. Если у вас возникнут еще вопросы, вы всегда знаете, где меня найти.

Глава 7. Попелюха

– Должен признаться, вся эта история мне крайне неприятна, – сказал на следующее утро Константин Тамарин своему отцу, когда они стояли на террасе. – Следовательно говорил с моей женой, задавал ей вопросы, меня он допрашивал несколько часов кряду...

– Уж кому-кому, а тебе должно быть известно, что твоя жена всегда сумеет за себя постоять, – проворчал генерал. Он подошел к плетеному креслу, приволакивая левую ногу сильнее обычного, и осторожно опустился на сиденье. – Новые журналы еще не пришли?

– Журналы? Не знаю. Маленький Костя на меня сердится, что я не привез ему вчера игрушки, которые обещал...

– Яков! – зычно воззвал генерал. – Куда он делся? Яков!

Через минуту старый слуга появился на террасе. Вид у него был встревоженный.

– Зову тебя, зову, – проворчал генерал. – Новых журналов еще нет?

– Никак нет-с, – почтительно ответил Яков.

– Что ж я буду читать? Вот оказия, и почитать толком нечего. В газетах дрянь такая, что стыдно перед этими, Кириллом и Мефодием, изобретателями русской письменности. Знали бы они наперед, какую чепуху будут писать господа журналисты...

– Яков, – не утерпел Константин, – что-нибудь случилось? На тебе лица нет...

– Да что там могло случиться, – пробурчал генерал, поудобнее устраиваясь в кресле, – ясное дело, все теперь только об одном и говорят: о француженке в овраге. Ну? Я прав?

– Нехорошее дело, – удрученно промолвил Яков, качая головой. – Грешное дело...

– И что болтают? – спросил генерал, прищурившись.

– Да глупости всякие... Многие думают, что это попелюха ее... того...

– Попелюха? – озадаченно переспросил Константин.

– Это местное поверье, – усмехнулся генерал. – Крестьяне здесь пепел из печей сбрасывают в болото. А из пепла по ночам будто бы вылезает страшное чудовище – попелюха, которое может убить человека, если тот ему попадется. Оттого здесь, едва стемнеет, никто не отваживается к болоту подойти. Боятся.

– Глупости это, – сердито промолвил Константин. – Какое болото, при чем тут оно? Тело в овраге нашли...

– Ну как овраг недалеко от болота, – пожал плечами генерал. – А что этот следователь, как там его?

– Господин Курсин? Он с утра к Сергею Петровичу приехал, так у него и сидит. Допросил его, потом взялся за прислугу, выпытывает, что да как, да кто чего видел, да когда госпожа из дома ушла, да в чем она была одета...

– Это интересно, – пробормотал генерал. – Значит, Луиза куда-то уходила?

– Да. Позавчера вечером, после шести. Моя племянница Груша ее видела. Луиза шаль на плечи накинула, сказала Груше, что скоро вернется, и ушла.

Груша была горничной в усадьбе Мокроусова. Она была замечательно некрасива – высокая, костлявая, большеротая, – и, судя по всему, именно по этой причине Луиза терпела ее возле себя. Большинство горничных лишалось своего места сразу же после того, как ветреный Сергей Петрович обращал на них свой благосклонный взор, но Груша, смахивавшая на гренадера в юбке, могла не опасаться ухаживаний хозяина.

– Груше известно, куда именно отправилась мадемуазель Леман? – спросил Константин.

– Нет, но мадемуазель ушла пешком.

– Что-то ты, братец, темнишь, – проворчал генерал, от которого не укрылось, что слуга был встревожен и явно чего-то недоговаривал. – Это ведь важнейший вопрос – куда именно

отправилась мадемуазель Леман, потому что там, скорее всего, она и столкнулась со своим убийцей.

– Если бы она хотела ехать к Кочубеям или к нам, она бы велела заложить экипаж, – не удержался Константин. – Куда она могла уйти пешком, да еще в такое время?

– Мне кажется, я знаю, куда, – сдался Яков. – Но я не знаю, будет ли господин следователь меня слушать.

Генерал и его сын обменялись взглядами.

– Насчет следователя ничего сказать не могу, но мы знаем тебя много лет и готовы выслушать все, что ты нам расскажешь, – заметил генерал. – Не бойся, говори смело все, что тебе известно. Когда расскажешь, тогда и будет ясно, что делать с этим дальше.

Яков глубоко вздохнул.

– Тогда, с вашего позволения, я начну с самого начала, – проговорил он. – Вы, может быть, помните, что моя племянница замужем за Петром, лакеем у господина Мокроусова. Живет она с ним плохо, можно сказать, как кошка с собакой. И то сказать, иные кошки и собаки между собой ладят куда лучше, чем они...

Константин рассеянно кивнул. Петра Шеврикуку он помнил хорошо. Это был льстивый, ленивый, говорливый слуга, который больше всего любил околачиваться на кухне. Несмотря на молодость, Петр был полноват и уже мог похвастаться довольно объемистым брюшком. На Груше он женился ради ее приданого, жену не любил и регулярно поколачивал. Груша в ответ тоже колотила его, а потом в слезах бегала к дяде жаловаться на непутевого супруга. От родителей она за всю жизнь не слышала ни единого слова поддержки и потому никогда ничем с ними не делилась.

– Какое отношение Петр имеет к гибели француженки? – спросил генерал.

– Надеюсь, никакого, – поспешно ответил Яков, – но позавчера Груша мне опять пожаловалась на Петра, и я решил с ним поговорить. Дома его не было, я искал его в одном трактире, потом в другом, но там мне сказали, что он только что ушел. Я побежал его догонять, выбрал короткий путь через лес, но вскоре стемнело, я перестал видеть тропинку и, кажется, заблудился. Тут я вспомнил насчет попелюхи, и мне стало не по себе...

– Опять ты про эту попелюху, – проворчал Константин, морщась. – Что за манера выдумать черт знает что и цепляться за свои выдумки...

Тут, несмотря на свою преданность господам, Яков все же немного обиделся и решился вступить за то, что молодой хозяин неучтиво обозвал «выдумкой».

– Господин Вартман тоже считал, что попелюха – это вздор, – с достоинством промолвил слуга. – А ведь ему говорили, чтобы он не ходил лишний раз возле болота. Но он считал себя умнее всех... И вы знаете, чем все кончилось.

– Вартман – это бывший управляющий Мокроусова? – спросил Константин. – Тот, который покончил с собой этой зимой?

– Да, – кивнул генерал. – Его нашли недалеко от болота, он выстрелил в себя из ружья. Поначалу многие не могли понять, зачем он это сделал. Сорок пять лет, не пил, проблем со здоровьем не имел, хозяин в управление имением не вмешивался, жалование отличное...

– Вот, – удовлетворенно промолвил Яков. – А все из-за попелюхи. Это она его заморочила и к себе утащила...

– Может быть, ты все-таки расскажешь нам, что видел в лесу? – нетерпеливо спросил Константин. – Ты говорил, что сбился с пути, стало темнеть...

– Да, все так и было, – кивнул слуга. – Я пошел наугад и через какое-то время увидел впереди башню, которую выстроил отец Мокроусова. Возле башни я заметил повозку, запряженную одной лошадью. На повозке стоял фонарь, но поблизости никого не было. Я подумал, что кучер сейчас выйдет и я попрошу его подвезти меня, но тут дверь отворили изнутри... распахнули настежь, и на пороге показался человек, который нес что-то вроде большого свертка

в одеяле. Он с трудом затащил этот сверток в повозку, и, когда свет фонаря упал на его лицо, я увидел, что это Сергей Петрович Мокроусов. А из свертка, когда Мокроусов водрузил его на повозку, – я готов в этом поклясться – свесилась женская рука.

– Мгм, – неопределенно протянул генерал, шевеля пышными седыми усами. – Много позавчера выпил в трактире-то?

– Да вы что! – ужаснулся Яков. – Ни капли...

– А Сергей Петрович тебя видел? – спросил Константин.

– Нет. Я... я испугался и не стал к нему подходить.

– И правильно сделал, – одобрил генерал. – С чего ты решил, что рука женская?

– Так ведь это же понятно... Узенькая ручка-то, и рукав немного был виден...

– Какого цвета рукав, не заметил? – быстро спросил Константин.

– Темного. Синий или черный. Сергей Петрович поспешно убрал руку, запихал в одеяло... Тут мне стало совсем не по себе, и я поспешил уйти. Вчера поговорил со знающими людьми...

– Какими еще людьми?

– Старым Миколой, бабкой Феклой, которая знахарка. Я... я ведь решил, что это попелюха меня заморочила. Как господина Вартмана... Наслала адское видение, чтобы меня погубить... А потом Груша прибежала и сказала, что француженку убили и тело ее в нашем овраге нашли.

– Н-да, – протянул генерал, потирая усы, – пожалуйста положеньице... Значит, Луиза из дома ушла пешком? Могла она тогда вечером до башни дойти?

– Конечно, – уверенно ответил Константин. – Башня в лесу, но не так уж далеко от усадьбы.

– Ты не заметил, был в башне еще кто-нибудь? – спросил генерал у Якова.

– Я никого больше не видел. Правда, наверху горело окно, но, может быть, Сергей Петрович просто забыл лампу потушить...

Генерал вздохнул и некоторое время молчал, обдумывая свои следующие слова.

– Ну что ж, Яков, – проговорил он наконец, – ты всегда был честным человеком, и я рад, что ты таким и остался и все нам рассказал... То, что ты видел, надо будет рассказать еще раз господину следователю. Он будет разные каверзные вопросы задавать, но ты не бойся, говори все как есть... И помни, что в случае чего мы всегда за тебя заступимся. Мы своих людей в обиду не даем...

– Я не хотел, чтобы от этой истории вам вышел какой-нибудь урон, – сказал Яков, нервничая. – Потому и решил сначала посоветоваться...

– Да что там урон, – устало промолвил генерал. – Стар я стал совсем, в людях уже не разбираюсь... Он ведь, паршивец, нарочно Луизу на нашу землю отвез и в овраг сбросил. Чтобы следователь прежде всего к нам прицепился...

– Из-за дуэли? – спросил Константин после паузы.

– Человечишка, – с расстановкой проговорил его отец, недобро сощутив глаза. – Каково, а? Он же жил с ней, дочку ей сделал... и в овраг? Диким зверям на съедение? Если бы ты ее не нашел, ее бы птицы и звери растаскали...

Константину стало не по себе. Он махнул рукой, показывая, что Яков может уйти, и слуга удалился.

– Хотят слухи, – сказал молодой человек, когда Яков скрылся за дверью, – что в этой башне Мокроусов встречался с Надеждой Кочубей.

– Какие еще слухи? Это твоя жена тебе сказала, что ли?

Константину ничего не оставалось, как подтвердить это.

– Бабы много чего врут, – проворчал генерал, – но раз твоя жена так говорит, то, скорее всего, так оно и есть. От нее ничего не утаишь... Гхм! Ну и что мы имеем? Допустим, Мокро-

усов любезничал с этой рыжей пигалицей, тут прибежала Луиза, стала скандалить, он решил ее унять... или Надежда так решила...

– Четырнадцать ударов, – пробормотал Константин, не слушая его. – Вот что не укладывается у меня в голове.

– Ты это о чем?

– Доктор Гостинцев сказал, что жертве нанесли четырнадцать ударов ножом в верхнюю часть тела. Не один, не два, не три... Вот чего я не могу понять. Как же надо было ненавидеть эту несчастную женщину, чтобы...

Он осекся.

– Здорово, да? – усмехнулся генерал. – Живешь бок о бок с людьми, веришь, что они приличные, в гости их приглашаешь, с женой знакомишь, детей своих им показываешь... А тут вдруг такое! Четырнадцать ударов ножом, в одеялко завернул, вывез и бросил в лесу... А потом слезы лил, да? – резко спросил старик. – Требовал от следователя убийцу найти? Его отец хоть приличней был... Всего лишь пил втихаря... но в лесу тел не прятал, нет!

– Думаете, это все-таки Сергей Петрович ее убил? – несмело спросил Константин.

– Ну не он, так Надежда, – пожал плечами генерал. – Стали, к примеру, они драться, волосы друг на дружке рвать, Надежда и поняла, что дело плохо, схватилась за первое, что под руку попало, и давай соперницу кромсать... А Сергей Петрович решил тело увезти да попытаться на нас все свалить – чем черт не шутит, вдруг удастся! Скажи-ка мне вот что: я надеюсь, ты с Луизой не любезничал, а?

– Как вы можете! – Константин аж отшатнулся от негодования.

– Я вот о чем: если этот гаденыш ее к нам перетащил, на что-то ведь он рассчитывал, верно? Нельзя просто подбросить тело кому попало и надеяться на то, что все сойдет убийце с рук. Еще раз тебя спрашиваю: нет ли чего такого, за что следователь может попробовать зацепиться, чтобы повесить вину на тебя?

Не отвечая, Константин сделал несколько шагов по террасе и оперся на перила.

– Вы думаете, что...

– Да ничего я особенного не думаю, – хмуро ответил генерал, – но у Мокроусова есть деньги, связи, а про семью Кочубеев я вообще молчу. Счастье твое, что женин брат тоже там был, когда ты нашел тело, – лишний свидетель нам не помешает. Так что насчет Луизы?

– Никогда не думал, что мне придется об этом говорить, – сердито промолвил Константин, – но так уж и быть, я отвечу. Были моменты, когда мне казалось, что она со мной заигрывала, вы понимаете? Я думаю, это из-за того, что Мокроусов ей постоянно изменял, она тоже пыталась показать ему, что и она на многое способна, и кокетничала со мной, с Казимиром, с Виктором... с любым, кто ей подворачивался под руку. Но я слишком люблю Аделаиду, и я всегда делал вид, что не понимаю намеков Луизы...

– А Казимир?

– Что – Казимир?

– У него с ней ничего не было?

– Я бы сказал, что он всегда был с ней любезен, но не более того, – подумав, ответил Константин. – По-моему, его куда больше интересует Оленька Кочубей, а если бы он одновременно волочился за кем-нибудь еще, это произвело бы на нее невыгодное впечатление...

– Нет, этот шесток не для нашего сверчка, – хмыкнул генерал, покрутив головой. – Однако хорошо уж то, что у вас обоих не было с Луизой никаких дел и, стало быть, причин избавляться от нее тоже не было. И раз уж мы все обсудили, то сделай одолжение, пошли-ка человека за следователем. Думаю, ему совсем не повредит узнать то, что наш Яков видел в лесу возле башни.

Глава 8. План действий

– Мама, – сказала Амалия тоном упрёка, – я же просила тебя рассказать только то, чему ты сама была свидетелем... А ты пересказала мне разговор на террасе, который...

– Который я слышала, стоя в комнате за занавеской, – закончила за нее Аделаида Станиславовна. – И можешь мне поверить, что все было именно так, как я тебе рассказала.

– Мама! – возмутилась Амалия.

– А что тут такого? – пожала плечами Аделаида. – В конце концов, если не хочешь, чтобы тебя слышали, всегда можно найти место поукромнее, чем терраса дома. Ведь разговор, который там ведется, может слышать любой, кто окажется поблизости...

Тут Амалия поймала себя на том, что улыбается, и поспешно напустила на себя серьезный вид.

– Я совсем не помню деда, – призналась она. – Скажи, что он был за человек?

– Он был из тех людей, которые рождены для войны, – ответила Аделаида Станиславовна, посерьезнев, – из тех, кто только там чувствует себя на своем месте. Он не любил все, что связано с мирной жизнью. Никогда не забуду, как мы сидели как-то в коляске и наблюдали фантастической красоты закат, который даже на картине не увидишь. Мы все были охвачены восторгом, даже Казимир, а ты прекрасно знаешь, что его нелегко пронять подобными вещами. Но генерал только поглядел на небо, на облака, на заходящее солнце и со вздохом промолвил: «Эх, на Кавказ бы сейчас! Чтобы шашка на боку, верный конь, двадцать пять лет и вся жизнь впереди...» Вот о чем он думал, вот что его не отпускало. Твой отец был совсем другой. Военной службой он тяготился, а генерал вообще не понимал, как такое возможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.